

Санкт-Петербургский государственный университет

Кузенко Анастасии Сергеевны

Выпускная квалификационная работа

*Политико-культурные измерения современной политической
репрезентации*

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа

высшего образования бакалавриата СВ.5027.2019 «Политология»

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор кафедры
теории и философии политики СПбГУ
Завершинский Константин Федорович

Рецензент:
кандидат политических наук,
ассистент кафедры политических институтов
и прикладных политических исследований СПбГУ
Будко Диана Анатольевна

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	7
1.1 Политическая репрезентация: смысл и содержание концепта	7
1.2 Коммуникативный подход в исследовании политической репрезентации	17
1.3 Политико-культурные особенности современной политической репрезентации.	25
ГЛАВА 2. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	32
2.1 Политические элиты как мнемонические акторы политической репрезентации	33
2.2 Политическая память как символическая среда политической репрезентации	42
2.3 Специфика мнемонических практик политической репрезентации современных элит	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Идея политической репрезентации служит ключевым понятием для понимания смысла и содержания демократических практик. Задача представительства, как полагают многие исследователи, состоит в том, чтобы связать представителей с их избирателями и правительство с гражданами. «Необходимость посредничества между политическим и социальным возрастает по мере того, как общество осознает себя. В этом отношении можно наблюдать буквальное рождение политического общества»¹, поскольку с этого момента общество начинает осознавать себя в качестве политического актора.

В реалиях современных политических коммуникаций символическое измерение политической репрезентации, как комплексного процесса отношений между избирателями и их представителями во властных институтах, приобретает символичность, поскольку зрелищность, медийность все чаще доминирует над институциональными, организационными и поведенческими факторами политической репрезентации. «При этом символическая политика, как особый род политической массовой коммуникации, нацеленной не только на рациональное осмысление процесса политической репрезентации, а и на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов, выступает значимым фактором процесса политической репрезентации»². Политические акторы все чаще прибегают к манипуляциям символами, с целью обрести политическое представительство и обеспечить свое доминирование. Все чаще при анализе политической репрезентации исследователи констатируют, что символические практики доминирования подвергают эрозии «демократическую» репрезентацию и маргинализируют вопросы реального

¹ Diehl P. Pierre Rosanvallon's Political Theory through History Pierre Rosanvallon's Concepts of Representation and the People and their Importance for Understanding Populism: Interdisciplinary Approaches. In book: Pierre Rosanvallon's Political Thought. 2018. P.40.

² Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме Полис. Политические исследования. 1999. №5. С.62.

политического представительства, трансформируя их в проблему «политического спектакля». Подобные процессы актуализируют исследования коммуникативных измерений феномена политической репрезентации.

Политические акторы все больше и больше должны прилагать усилий в сфере коммуникаций для мобилизации граждан и привлечения сторонников. Ежедневное присутствие политиков на телевидении и на просторе Интернета дает им уникальную возможность формировать политический климат с помощью их собственного стиля выражения. Эти факторы сделали политическую репрезентацию искусством символизации, которая использует способы и ресурсы символической политики, определяющие ее знаково-символическую опосредованность. Символические формы: ритуал, миф, социальный перформанс транслирующиеся через масс-медиа стали инструментом легитимизации власти в политической борьбе. Отдельного внимания заслуживает недавно зародившийся феномен постправды (post-truth), связанный с высокой степенью автономии символических форм и симулятивным характером политической репрезентации. В связи с чем, представляется обоснованным изучение политической репрезентации как значимого компонента символической политики.

В последние годы в научно-исследовательском поле возрос интерес к такому феномену, как политика памяти. Автор работы считает, что в рамках теории репрезентации как знаковых, неинституциональных отношений между представителями и представляемыми, важнейшим механизмом построения этих отношений является политика памяти, рассмотренная в контексте символической политики. Исходя из это в рамках работы будет использован подход, рассматривающий политику памяти, как совокупность взаимодействия акторов, заинтересованных в особом понимании прошлого³.

³ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: НесторИстория, 2018. С.32.

Заданная теоретическая рамка, понимания политики памяти, как инструмента репрезентации предполагает рассмотрения политической элиты, как мнемонических акторов.

Степень теоретической разработанности и базовые источники исследования. Исследования политической репрезентации связано с именами К. Шмитт, Ф.Р. Анкерсмит, Х. Питкин, П. Бурдые, П. Розанваллон, Ю. Хабермас⁴. Политическая репрезентация стала довольно востребованным предметом теоретических исследований в западном научном дискурсе второй половины XX века. Социально-философским и философско-антропологическим анализом репрезентации в своих работах занимались такие авторы как: Ж. Деррида, Т. Лукман, П. Бергер К. Гинзбург и др⁵.

Специфика символизации политической репрезентации, проанализирована в работах таких представителей: У. Сарцинелли, Дж. Александер, Д. Орман, Д. Уэст, С.П. Поцелуев⁶. Исследования посвященные анализу политической репрезентации посредством политического ритуала и мифотворчества К. Белл, В.У. Уорнер, В.Н. Топоров и др⁷.

⁴ Шмитт К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.; Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация [Текст] / Пер. с англ. А. Глухова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 217 с.; Бурдые П. Социология социального пространства [Текст] / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.; Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. М., 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL.: [Контрдемократия: политика в эпоху недоверия \(emsu.ru\)](#) (дата обращения 14.04.2022); Хабермас Ю. Расколотый Запад / пер. с нем. О. Величко и Е. Петренко. М.: Весь мир, 2008. 192 с.

⁵ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1995. № 5.427 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум,”- 1995.; Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 5-21.

⁶ Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // Politische Vierteljahresschrift. Vol. 30. № 2. 1989. P. 297.; Александер Д. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 / Социология №4 , 2008. [Электронный ресурс]. URL.: [ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ: ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ В США 2008 ГОДА \(Продолжение. начало в № 3 2008 г\) \(cyberleninka.ru\)](#) (дата обращения 01.04.2022); West, D. and Orman, J. Celebrity Politics (New Jersey: Prentice Hall). 2002. 128 с.; Поцелуев С.П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов н/Д: СКАГС, 2010. 496 с.

⁷ Bell, C. Ritual: perspective and dimensions. New-York, Oxford University Press. 1997. 351 p.; Уорнер У. Живые и мертвые. СПб.: Фонд «Университетская книга», 2000. 666 с.; Топоров В.Н. Миф, ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.:Изд. группа “Прогресс”-”Культура”, 1995. 624 с.

Разработкой и исследованием подходов к определению политических элит занимались такие авторы как В. Парето, Г. Моска, М. Хальбвакс, А.В. Дука⁸. Классической работой в разрезе символического является концепция немецкого философа неокантианца Эрнста Кассирера⁹.

Символическую политику как социокультурное-пространство рассматривали: Д.И. Керцер, М. Фриман, а также отечественные политологи О.Ю. Малинова, К.Ф. Завершинский¹⁰.

Объект исследования – феномен политической репрезентации.

Предмет исследования – специфика символических практик современной политической репрезентации.

Цель работы – рассмотреть символическое измерения политической репрезентации, путем анализа одного из главных инструментов конструирования идентичности и общности – политики памяти.

Реализация поставленной цели обеспечивается посредством решения следующих взаимосвязанных задач:

- проанализировать генезис концепта «политическая репрезентация»;
- исследовать коммуникативные подходы к исследованию феномена политической репрезентации;
- выявить политико-культурные особенности современной политической репрезентации;
- рассмотреть политические элиты как акторов символической политики;

⁸ Парето, В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето; пер. с итал. А. А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой; науч. консульт. Н. А. Макашёва; Гос. ун-т Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511с.; Mosca G. Elementi di Scienza Politica / V-ta edizione con prefazione di V. Croce. Bari: Laterza & Figli, 1953. 476 с.; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С.8–27.; Дука А.В. О подходах к анализу властных элит, Управленческое консультирование, 3(47), С. 48-55.

⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.

¹⁰ Kertzer, D. I. Comrades and Christians: Religion and Political Struggle in Communist Italy. Cambridge University Press. 1980. 344 p.; Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз // Журнал политической философии и социологии политики. 2019. № 3 (94). С. 103–126.; Завершинский К.Ф. Эпистемологические антиномии в исследовании феномена «постправды» [Текст] / К.Ф. Завершинский // «Политика постправды» и популизм [Текст] / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 6 – 17.

- определить роль политической памяти как социокультурной среды политической репрезентации;
- проанализировать специфику мнемонических практик политической репрезентации элит.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет концептуальный анализ феномена политической репрезентации и социально-конструктивистских подходов в изучении ее коммуникативно-символических функций в современной политике.

Структура данной работы сформирована исходя из цели и задач исследования. Работа состоит из введения, двух глав с тремя параграфами, заключения и списка использованной литературы. В первой главе «Теоретико-методологические основания исследования феномена политической репрезентации» анализируются основные теоретические подходы трактовки политической репрезентации. Во второй главе «Символическая политика и политическая память в теории и практике политической репрезентации» рассматриваются символические измерения политической репрезентации на примере проводимой мемориальной политики, а также особенности политических элит, как мнемонических акторов. В заключении даны выводы по работе.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Понятие репрезентации, без сомнения, находится в центре того, что можно назвать наиболее важное политическое изобретение последних двух столетий – либеральной демократии. Концепт вызвал оживленные теоретические и нормативные дебаты и использовался в качестве активного флага в решающей политической борьбе (например, за расширение избирательного права или гендерного равенства) и вдохновил фундаментальные институциональные механизмы на национальном, субнациональном, а также наднациональном уровне.

Как синтетическая метафора тонкого и сложного политические отношения между правителями и управляемыми – это в основе своей многозначное и вызывающее воспоминания, а не эмпирически-аналитическое понятие. Поэтому неудивительно, что его значение широко обсуждались на протяжении всей его истории, которая началась задолго до появления современной демократии.

1.1 Политическая репрезентация: смысл и содержание концепта

Роберт Даль в своей книге «Полиархия», писал, что «характерной чертой демократии является постоянная реакция правительства на предпочтения его граждан...»¹¹. В рамках этой интерпретации демократии, получившей широкое признание в научном сообществе, центральное место репрезентации, но также и его внутренние парадоксы, и ограничения, продолжали стимулировать оживленные научные дебаты.

В более традиционных, институциональных исследованиях феномена политической репрезентации как правило отмечается, что «...Репрезентация – это законное санкционированное осуществление власти конституционно

¹¹ Robert A. Dahl, *Polyarchy: Participation and Opposition*, New Haven, 1971. P.23.

назначенными органами государства или другой государственной власти, действующими от имени народа, но без их обязательного мандата, которые получают свою власть прямо или косвенно от народа и узаконивают их своим требованием для общего интереса служить людям и, таким образом, выполнять их истинную волю»¹². Политическая репрезентация представляется в первую очередь как отношения между избирателями и представителями, является нормативным, эмпирическим процессом в политических системах, часто используется как инструмент оценки эффективности демократии. Также через выборы репрезентация поддерживает демократический характер представительных правительств и заставляет политиков учитывать изъявление народа.

Однако в условиях постдемократии усугубляются споры по поводу значения и институциональных функций данного феномена. Дело в том, что существующий политический механизм в современных демократиях не слишком отличается от коммуникативных принципов функционирования товарного рынка, ориентированного на пропагандистский эффект рекламной деятельности. «В последние годы мы все больше и больше становимся свидетелями того, как премудрость сотрудников службы пропаганды определяет линию политической пропаганды. Привыкнув заставлять людей покупать все, что угодно, лишь бы хватало денег на рекламу, они формулируют политические идеи и представляют себе политических лидеров в тех же категориях. Для создания рекламы политическим деятелям они используют телевидение точно так же, как для рекламы мыла; имеет значение только воздействие на торговлю или на голосование избирателей, а вовсе не на разумность и полезность рекламируемого»¹³.

¹²Френкель Э. Американская система правления. Политический анализ, Westdeutscher Verlag, Cologne, Opladen.1960. С.89.

¹³ Азми Д.М. Э. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии // Государство и право, 2002, № 5. С. 103.

В связи с чем приобретает особую значимость анализ феномена политической репрезентации как коммуникативного артефакта и артикуляции концепта политической репрезентации в социально-политическом дискурсе.

Репрезентация – одно из самых дискуссионных понятий современной политической теории. Рассмотрим кратко историю развития смысла и содержания этого термина в социально-философском дискурсе. Современные представления о репрезентации как об осуществлении представительства было принесено из христианской идеи воплощения. Известный философ Х.-Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод» напоминает о сакрально-правовом смысле понятия «репрезентация». «Христианство, основанное на идее воплощения, по-новому проинтерпретировало отношение того, что представляется, к тому, что представляет»¹⁴. Проблематика соотношения и онтологического статуса первообраза и отображение, разработанное философией Платона, раскрывают представительство репрезентации. В философии западной цивилизации проблема познания общего через связь общего и частного ранее представляла собой соотношение объекта и идеи, где объект может быть воплощением этой идеи. Теологическая чувственно воплощенная репрезентация имеет значение "представительства", т.к соотносится с ним в онтологическом смысле. Проявление в репрезентации абсолютного образа дает возможность начать поиски глубинных смыслов вещей. Позднее проблема репрезентации рассматривается уже в контексте спора об универсалиях.

Если мы обратимся к семантическому анализу концепта, то увидим, что семантический анализ во многом тоже остается полисемичным. Как отмечают многие исследователи, латинское слово «representatio» - основа «репрезентации» в европейских языках, уже имело множество значений чаще всего противоречивших друг другу. У каждого европейского языка свой семантический способ обращения с «representatio» так «английский и

¹⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 36.

французский язык сохранил одно единственное слово для различных значений, связанных с репрезентацией, - *representation* и его французский аналог – *représentation*... в немецком и итальянском языках были разработаны различные слова для обозначения набора значений, связанных с английским словом *representation*. В немецком языке слова *Darstellung* и *Stellvertretung/Vertretung* относятся соответственно к репрезентации как символическому акту и форме замещения, посредством которого кто-то заменяет кого-то другого в правовой или политической среде».¹⁵ В итальянском языке существуют разные слова для обозначения разных значений понятия репрезентация. Так *rappresentanza* имеет сходное определение с немецкими *Stellvertretung/Vertretung* и расценивается как более формальная, юридическая форма замещения, а *rappresentazione* обозначает символический аспект понятия. По мнению Х. Хофмана, работа которого восходит к традиции Райнхарда Козеллека, который в свою очередь рассматривает концепты в зависимости от исторических и политико-культурных условий, пишет что репрезентация «не является понятием, фиксирующим идентичный объект, и не является именем вещи, это скорее семантическое и синкатегориальное выражение с которым мы можем обращаться по-разному в зависимости от смысла в котором оно может принимать в определенном контексте»¹⁶. Для Х. Хофманна репрезентация – это прежде всего семантическая проблема. Немецкий ученый утверждает, что лингвистические традиции значения «репрезентации» настолько различаются как в языке, так и от языка к языку, что нормативный подход не справляется с передачей всех смыслов и рискует уничтожить разнообразие.

В своей работе Х. Хофманн рассматривает три трактовки слова репрезентация. Первое «*Urbild-Abbild-Dialektik*» исходит из природы божественного, имеет символический и эстетический контекст, связывает

¹⁵ Mulieri A. Hasso Hofmann and the Polysemy of Representation // *Redescriptions Political Thought Conceptual History and Feminist Theory* Vol. 19(2).2016. P.133.

¹⁶ Там же. P.131.

оригинал и копию «Слово *repraesentatio* означает делать присутствующим то, что отсутствует», относится к распространенной схоластической доктрине восприятия внешних вещей»¹⁷. Позже это ляжет в основу теории познания. Вторая трактовка репрезентации относится к поздней Римской Империи и представляет собой юридическую категорию, которое в широком значении относится к идее замещения, в немецком языке оно значит как «*Stellvertretung*». Последнее определение, данное нам Х. Хофманном, имеет явный политический характер. Так, важный политический теоретик репрезентации Ханна Питкин также подчеркивает важность контекста при использовании понятия. Х. Питкин, исследуя репрезентацию в различных эпохах считает, что категория сохраняет одно и то же значение в разных исторических контекстах. Выделив четыре формы репрезентации – Ханна Питкин, используя метод лингвистического анализа, рассматривает понятие представительства, подчеркивает, что попытка выявить конкретное определение вводит в заблуждение, поскольку отражает лишь долю от полного значения представительства.

Концепция представительства Х. Питкина неразрывно связана с демократическими установками. Как она позже призналась, что ее книга «более или менее приравнивала демократию к представительству»¹⁸, принимая их эмпирическую эквивалентность как аксиому: в современных обществах демократия может быть только представительной. Что касается объекта представительских отношений, Х. Питкин уточнила, что представительства нет, если только представители не действуют по существу в интересах представляемого. Однако, эта на первый взгляд простая точка зрения вызывает парадокс: существует ли легитимное представительство, когда граждане не согласны с действиями своих парламентариев? Решение, предложенное Х. Питкин, довольно расплывчато: представитель обычно

¹⁷ Там же. Р.131.

¹⁸ Питкин Х., Концепция репрезентации, Беркли: Калифорнийский университет, 1967. – 323 с.

должен избегать этого конфликта, но когда он периодически возникает, представитель должен дать объяснение, почему желания граждан не согласуются с их действительными интересами. Другими словами, представители должны реагировать на запросы граждан, но надлежащим объектом репрезентации являются «интересы», а не «мнения».

Тем не менее, говорить, что сегодняшние споры о репрезентации основаны лишь на принятии части понятия «репрезентация», о всех значениях говорить не приходится. Однако Х. Питкин утверждает, что традиционных проблем можно было избежать путем более внимательного отношения к слову с корнем «represent». Ханна Питкин выделяет четыре типа репрезентаций – формальная, дескриптивная, репрезентация действия и символическая. «Политическая репрезентация – это деятельность, в ходе которой голоса, мнения и точки зрения граждан оказываются «представленными» в процессе публичной политики». Такая репрезентация, если следовать типологии Ханны Питкин, является формальной, то есть когда власть «действовать» переходит от народа к представителю, но ответственность остается на представляемом. Суверен Томаса Гоббса, это пример формальной репрезентации. Люди заключили договор и отдали одному право представлять всех в лице одного суверена. Именно благодаря репрезентации народ рассматривается как единое целое. Дескриптивная репрезентация означает, что представитель является отражением своего народа. Подразумевается, что власть готова к открытому диалогу и реальному отражению мнений людей. Репрезентация действия подразумевает многоплановость роли представителя. Представитель в таком случае, может опираться на свои собственные воззрения на тему того, что будет правильным и лучшим для народа государства, или же исполнять исключительно чужую волю. Символическая концепция репрезентации кардинальным образом отличается от предыдущих идей. Согласно Х. Питкин, символическая репрезентация опирается на эмоциональную составляющую, а не на рациональный критерий, и работает, если репрезентирующий верит в «символ», пока люди принимают репрезентирующих или верят в них, то те их

представляют де-факто. Однако, ни одна из идей, по замечанию Х. Питкин, сама по себе не выражает удовлетворительно идею репрезентации.

«В репрезентации происходит конкретное проявление высшего вида бытия. Идея репрезентации основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного существования какой-либо совместно проживающей группы людей»¹⁹. В этом контексте репрезентация имеет решающее значение. Она обеспечивает необходимую артикуляцию между социальным и политическим, гражданским обществом и государством. Представительство имеет место, когда представители действуют от имени избирателей («действовать от имени») и когда происходят символические процессы («выступить за»). Здесь символизация и социальное воображение общества с одной стороны, и артикуляция между социальным и политическим с другой стороны, становятся основополагающими. Репрезентация, однако, является не только решением, но и проблемой, которая проявляет себя на нескольких уровнях. Существует, прежде всего, три причины, по которым репрезентация возникает как проблема. Во-первых, она всегда вписана в фундаментальное напряжение между символическим и реальным²⁰. Во-вторых, осуществление мандата и власти политическими представителями всегда находится в конкуренции с символическим представительством политического сообщества²¹. В-третьих, репрезентация является сложной задачей, поскольку народ не может быть представлен адекватно как политический субъект. Как социологическая реальность, народ не поддается обнаружению и не имеет целостной и полной формы. Для общества является трудной задачей разработать соответствующие структуры, которые подходят для выражения демократического представительства. И то,

¹⁹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 38.

²⁰ Diehl P. Pierre Rosanvallon's Political Theory through History Pierre Rosanvallon's Concepts of Representation and the People and their Importance for Understanding Populism: Interdisciplinary Approaches. In book: Pierre Rosanvallon's Political Thought. 2018. P.41.

²¹ Там же. P.88.

и другое направлено на разочарование, которое возникает из-за невозможности сформировать народ как единое целое и определить вечную форму репрезентации и символизации общества.

Политическую репрезентацию Ф. Анкерсмит мыслит как представительство являющиеся основой парламентской демократии, репрезентация в истории же, пишет философ – это то, как историки представляют нам прошлое. Важно отметить, что Ф. Анкерсмит, раскрывая концепцию политической репрезентации, уходит от классической теории Карла Шмитта (миметическая теория), которая отождествляет представителя и репрезентируемого. Философ проводит параллели с репрезентацией в искусстве, поскольку в сфере эстетического нет единых правил, которых должен придерживаться художник, дабы перенести на лист бумаги объект, то же он видит и в политическом мире. Выбор в пользу «эстетического» обусловлен кризисом репрезентативного механизма: публика стала совсем разношерстной, «мнений» стало больше и добиться тождества, о котором писал К. Шмитт, между избирателями и избираемым невозможно, да и помыслить о том, что есть «объективное поле», которое можно репрезентировать по правилам, представляется невыполнимым. Отказавшись от классической теории и перейдя к «эстетической политической репрезентации», которая признает «несопоставимость» и неизбежное отсутствие консенсуса, Ф. Анкерсмит констатирует разрыв в политической реальности. Не существует сформированной исторической или политической реальности, они создаются в процедурах репрезентации через разрыв. Разрыв, несопоставимость, если следовать логике Ф. Анкерсмита – это и есть власть, возникшая между народом и государством. Такая власть нуждается в дистанцировании, как и от народа, так и от государства, соблюдая это правило, только тогда власть будет легитимной. Тождество, к которому стремится миметическая репрезентация, может породить популизм или же тоталитаризм. Если лишь государство безраздельно владеет властью, рождается деспотизм, напротив, если только общество, возникает анархия.

Для Ф. Анкерсмита, в отличие от многих других теоретиков, «разрыв» не является проблемой, напротив – это основа политики и политических свобод. По мнению философа, демократическое государство, опирающиеся именно на «эстетическую политическую репрезентацию», способно противостоять современным глобальным проблемам (проблемы мультикультурализма, перенаселенность, этнические конфликты, безработица и т.д.). Второй аргумент, в последствии оказавшийся предметом споров – «репрезентация отчасти определяет природу репрезентируемого». «Политическая репрезентация существует не просто потому, что практически невозможно собрать на одной бескрайней площади-агоре весь народ, чтобы он весь участвовал в принятии политического решения. Суть проблемы в том, что без репрезентации нет репрезентируемого; без политической репрезентации нет и народа как реального политического единства. Если это так, мы можем сформулировать тезис в еще более вызывающей форме: даже если было бы возможно собрать на одной площади весь народ или достичь той же цели, периодически проводя всеобщие электронные голосования, все равно следовало бы предпочесть репрезентацию. Ибо политическая реальность возникает только тогда, когда народ осознает себя представленным (репрезентативным) кем-то. Без репрезентации ни о какой демократической политике говорить нельзя»²². Ф. Анкерсмит говорит об ошибочном понимании демократии как о процессе, который вовлекает весь народ. «Политическая система демократии трансформирует политические идеалы в политические мнения, а точнее, приводит к появлению людей, обладающих мнениями, – именно в этом уникальное и эпохальное открытие демократии, объясняющее, почему она намного успешнее в утверждении гражданского согласия, чем все прочие политические системы»²³. Напротив, компромисс является сутью демократии, оптимальное решение, которое бы удовлетворило

²²Анкерсмит Ф.Р. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу//Логос. 2004. №2 (42). С.26.

²³Анкерсмит, Ф. Р. Политическая репрезентация. / Пер. с англ. А. Глухова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.217.

политически активные силы и позволило избежать войн, революций, именно компромисс, а не тождество.

Таким образом, в социально-философском дискурсе политической репрезентации можно отметить, что репрезентация для одних ученых выступает как семантическая проблема, а лингвистические традиции значения «репрезентации» настолько различаются как в языке, так и от языка к языку, что нормативный подход не справляется с передачей всех смыслов и рискует уничтожить разнообразие. Для других исследователей репрезентация является символической и опирается на эмоциональную составляющую, а не на рациональный критерий и работает, если репрезентирующий верит в «символ». Сегодняшние споры о репрезентации основаны лишь на принятии части понятия «репрезентация», которая обеспечивает необходимую артикуляцию между социальным и политическим, гражданским обществом и государством. Политическая репрезентация является не только атрибутом парламентской демократии, а неотъемлемым компонентом политико-культурного пространства и системы политических коммуникаций в целом.

1.2 Коммуникативный подход в исследовании политической репрезентации

Так как политическая репрезентация осуществляется в политико-культурном пространстве следует особое внимание уделить коммуникативному подходу в исследовании феномена политической репрезентации.

В современных реалиях главный признак коммуникаций – это их массовый характер. Это особенность позволяет преодолеть личные отношения между людьми и образовать отдельное пространство, которое стимулирует выработку желаний, требования, становится основой мировоззрения, путем взаимодействия между людьми. Развитие технологий, а с ними медиа среды, позволили использовать в массовой коммуникации наглядные образы, которые, в свою очередь, формируют сознание индивида, наполняя его символическими конструкциями. Демократический характер сегодняшний политики предполагает наибольшее вовлечение граждан в политический процесс, в таких условиях политическая коммуникация является эффективным рычагом управления. Равноправный диалог субъектов политической коммуникации – основа политической репрезентации, поэтому очень важно рассмотреть коммуникативные теории демократии. Однако, современная политическая коммуникация направлена на символическое поле, создание определенных представлений о реальности, нежели на открытый конструктивный диалог. Коммуникативный подход интерпретирует политическую власть как особую разновидность социального взаимодействия политических субъектов, а также как специфическую форму социальной коммуникации между субъектами и объектами политической деятельности.

Никлас Луман, например, считает, что важнейший центр коммуникативной политической системы – власть²⁴. Она организует функционирование системы, а благодаря коммуникации, власть встраивается

²⁴ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.

в общество. Т.е. власть для Н. Лумана – средство коммуникации. Кроме того, важнейшее место в теории Н. Лумана занимают концепции смысла *политических коммуникаций*. Вторая важна для системных операций, которые основаны именно на значении. В отличие от социальных теорий, которые разделяют социальное на сферу смысла и социальную сферу, для Н. Лумана любая социальная операция всегда является значимой коммуникацией. Именно поэтому теория систем не использует понятие смысла для разработки критической точки зрения, которая жаловалась бы на потерю смысла или колонизацию жизненного мира экономическими рациональностями. Концепция смысла Н. Лумана в значительной степени заимствована у Э. Гуссерля. В свою очередь, природа информационных процессов, которые обеспечивают работу политической власти, состоит в том, что в ходе взаимодействия субъектов политических отношений совершается неограниченный во времени и в пространстве процесс воспроизводства и трансформации информации. К языку информационного взаимодействия в сфере политических отношений обычно относят все разновидности средств политической коммуникации (символы, знаки и другие атрибуты). Благодаря языку, обеспечивается самостоятельное существование коммуникации и сознания. Власть определяется Н. Луманом как «временная генерализация», так как ликвидированы инициировавшие ее события, она есть субстрат для определенных властных действий, в какой бы форме они не выражались.

В рамках данного направления в исследовании природы политической власти следует выделить исследования Пьера Бурдьё «Язык и символическая власть», в которой автор утверждает, что власть в современном обществе не ограничивается структурными формами, а проявляется также в символической форме. Символическая форма способна формировать сознание путем создания значений, норм и представлений в общественной среде. «Сила конструировать данное посредством высказываний, заставлять людей видеть

и верить, подтверждать или трансформировать видение мира»²⁵. П. Бурдьё впервые разработал понятие символическая власть, анализируя родственные отношения народа кабилы в Алжире.

Для П. Бурдьё любая сфера деятельности является ареной конфликта, сама социальная реальность – это перманентная борьба за положение, поскольку действующие лица стремятся сознательно или бессознательно обойти все ограничения, которые ставит перед ними социальная система. Таким образом, цель деятельности человека – накопление и монополизация различных видов капитала. Теория П. Бурдьё расходится с марксистской теорией в том, что капитал не обязательно строго экономический. Капитал в первую очередь атрибут, это может быть качество человека или его имущество, статус – все то, что можно обменять на товары или услуги, и все это существует во многих формах – символических, культурных, социальных, экономических и т.д. «Поле, – пишет Пьер Бурдьё, – это пространство, в котором происходит игра, поле объективных отношений между индивидами или институтами, которые конкурируют за одну и ту же ставку». Цель состоит в том, чтобы править полем, обладать властью наделять или лишать легитимности других участников игры. Бурдьё определяет легитимность следующим образом: «институт, действие или обычай, которые являются доминирующими, но не признаются как таковые, то есть которые молчаливо принимаются, являются законными»²⁶. Такое положение возможно за счет накопленного символического капитала. Габитус – это активный, порождающий набор неоформленных диспозиций, а не запас пассивных знаний. Как усвоенный набор правил, регулирующих стратегии и практику, габитус поля обречен оставаться невысказанным. Получается, что все поле функционирует как форма цензуры. Каждый дискурс в поле эвфемистичен, то есть он должен соблюдать формы, установленные полем. Но если поле в целом

²⁵ Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 163.

²⁶ Там же. С.110.

функционирует как форма цензуры, каждый дискурс внутри поля становится одновременно актом и следствием символического насилия. Это происходит потому, что поле, как уже говорилось, содержит в себе определенный капитал. Право легитимного высказывания переходит тем, кто-то в поле считается всесильным владельцем капитала. Обладатели символического капитала являются обладателями символической власти и способны применять символическое насилие. Однако есть участники, мечтающие отвоевать капитал у обладателей, и это совсем не значит, что у них не тот же габитус, то есть они не принимают правила игры, напротив акт борьбы – это принятие правил, но из этого не следует, что все они будут играть одинаково. Разные позиции игроков требуют разные стратегии. Легитимация, по П. Бурдьё, заключается в достижении точки, где категории «власть» и «различия» сливаются воедино. Легитимность действительно достигается только тогда, когда уже невозможно определить, было ли достигнуто доминирование в результате различия.

Символическое насилие П. Бурдьё определяет, как мягкое насилие или как подвергнутое цензуре эфемерное насилие. К символическому насилию прибегают, когда открытое, например, экономическое, насилие невозможно. Но стоит отметить, что символическое насилие законно, поэтому оно не определяется как насилие. Если символическое насилие разоблачается, оно перестает быть символическим. «В пост капиталистических обществах символическое насилие процветает наиболее пагубно в сферах искусства и культуры, воспринимаемых как священные убежища для бескорыстных ценностей во враждебном, грязном мире, где доминирует экономическое производство»²⁷. Для П. Бурдьё система образования является одним из главных агентов символического насилия в современных демократиях, а также решающим фактором формирования габитуса человека. В работе

²⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С.114.

«Государственная знать» он изучает, каким образом навязывание социальной власти в системе образования связано с передачей или воспроизводством власти в других сферах. Главная функция образования, по П. Бурдьё, заключается прежде всего, в том, чтобы создать необходимую социальную веру в легитимность доминирующих в настоящее время властных структур. Говоря о политике, политическое поле для П. Бурдьё – это главное место символической власти. Посредством производства лозунгов, метафор и программ, акторы в политической сфере постоянно участвовали в символической борьбе, с помощью которой они стремились создать и навязать свое видение социального мира, в тоже время стремясь мобилизовать народ, от которого в конечном счете зависела их власть.

Символическая власть, таким образом, частично проистекала из способности выражать, делать видимым и объективировать скрытые и невыраженные чувства в обществе, и роль партий и групп заключалась в том, чтобы выражать эти чувства и «называть неназванное». Так, для П. Бурдьё символическая власть – это средства легитимизации и укрепления институциональной власти. Символическая власть является мощным средством для политических акторов, которым не хватает формальных институциональных инструментов для изменения своего положения. С помощью символической политики политические акторы могут трансформировать восприятия себя другими.

Схожее представление о символической составляющей социальных и политических процессов присутствует в работах Мюррея Эдельмана. Его позиция заключается в том, что политика представляет нечто большее, чем борьба за ресурсы. Рассматривать политику только в этом ключе, по мнению Эдельмана, значит упускать из виду некоторые из наиболее важных функций, выполняемых политикой. Много в политических процессах является скорее символическим, чем реальным. Действительно, политика является средством получения или потери выгод, ресурсов, но в большей степени это касается политических акторов. Народ же является зрителем. «Политика для

большинства из нас – это мимолетный парад абстрактных символов, но в то же время парад, который учит нас быть доброжелательной или злонамеренной силой, которая может быть близка к всемогущей»²⁸. Рассуждения М. Эдельмана строятся из предпосылки, что политические институты и процессы часто на практике не выполняют те функции, для которых они задумывались. Государственные регулирующие органы чаще всего на практике не в состоянии защитить потребителя или общественные интересы от замыслов властных элит. Выборы редко служат инструментом, отражающим требования и предпочтения групп населения. Но новизна подхода М. Эдельмана не в этом. Мюррей Эдельман задается следующим вопросом: если эти институты не выполняют то, что должны, то почему они до сих пор существуют и их поддерживают? Если Г. Дебор предложил общефилософскую модель «общества-театра», то М. Эдельман заложил основы собственно политологической концепции демократии как «политического спектакля».

Интерпретация политического процесса как политического спектакля означает рассмотрение претендентов и обладателей политических должностей как акторов, постоянно участвующих в интерпретирующих и конституирующих представлениях. Это требует определения аудитории, уточнения ее оснований солидарности и внимания к их формированию, а также к их потенциальному движению к фрагментации. Интерпретация политики как социального спектакля также требует отметить, когда и как активируются мощные фоновые коллективные представления, и расшифровать смыслы, скрывающиеся в материальности политических постановок. Аналогичным образом, это предполагает обнаружение в социальном драматическом процессе подводные механизмы власти, или ресурсы, материальные и символические, которые позволяют одним людям выступать громче и дольше, не допуская других. М. Эдельман считает, что

²⁸ Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1977. P.2

массовые медиа охватывают значительную часть населения с помощью информационного потока. Это превратило политику в форму развлечения или искусства, которая оценивается по тем же критериям, что и театр. М. Эдельман сделал значительный вклад в теории символической репрезентации. Ему удалось доказать, что «самые распространенные формы участия населения в управлении государством в значительной степени носят символический характер, но и то, что многие из государственных программ, которые, как всегда считалось, предназначены для того, чтобы приносить пользу массовой общественности, на самом деле приносят пользу лишь относительно небольшим группам»²⁹. Политические акторы путем использования символов генерируют отдельную политическую реальность для общественности, «настоящие» реалии в основном недоступны для граждан. Символы создают иллюзорность участия в политике. М. Эдельман уделяет особое внимание языку, «люди имеют дело не с политическими событиями, а с языком, на котором о них рассказывают»³⁰ и политический язык, таким образом, «является политической реальностью». Так, чтобы заручиться общественной поддержкой, политический актор чаще всего прибегает к риторике наставлений или использует побудительный стиль. Ключевым моментом здесь является то, что лингвистическое содержание и форма объединяются, чтобы убедить общественность в том, что с ней в настоящее время консультируются по вопросам политики.

Таким образом, накоплен определенный опыт разработки и использования коммуникативного подхода в исследовании политической репрезентации. В рамках его большинством исследователей власть рассматривается как важное средство коммуникации в обществе. Власть имеет способность принимать множество разных форм, что дает ей возможность циркулировать и преодолевать время. Какое-то конкретное решение, постановление не имеют стабильности, они краткосрочны. Отличие власти как

²⁹ Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago : Univ. of Chicago Pr. 1988. P.4.

³⁰ Там же. P.142.

средства коммуникации от других средств в том, что тут важно редуцировать комплексность действиями. Медийный код – коммуникативные формы, которые включают в себя стимулирование мотивов подчинения, также формирование правил подчинения и многие другие формы. Именно эти формы и регулируют статус власти. Политическая репрезентация, точнее, её символические аспекты, в контексте отношений между избирателями и их представителями, сейчас особенно важны и интересны, т.к. для современной политической коммуникации характерно преобладание медийного фактора над институционально-организационными.

1.3 Политико-культурные особенности современной политической репрезентации.

В условиях мировой модернизации и глобализации, политическое манипулирование, предопределенное либеральными императивами становится не просто данью, а запросом общества. Создается обратная ситуация, идущая в разрез с пониманием репрезентации, как механизма воплощения интересов общества. Политические деятели в невообразимых масштабах сами формируют выгодные запросы общества, путем манипулирования. Коммуникативные технологии создают и поддерживают благоприятную среду, усиливая эту тенденцию. Соответственно, можно говорить об театрализации политической репрезентации и об усилении её символической роли. О таком положении дел может свидетельствовать феномен пост-правды, где личностные убеждения, эмоции превалируют над фактами.

Рассматривать демократию как рыночные отношения Йозеф Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» обратил внимание на роль коммуникативного компонента в практиках политического доминирования. Политическая конкуренция уподобляется в этой модели экономической конкуренции, а политическая коммуникация – рыночной торговле. Соответственно, главным для политической коммуникации является политический маркетинг как обеспечение условий для успешной продажи конкурирующих политиков. Следуя этой логике, политика представляется продуктом, а политические акторы – продавцами, а граждане – покупателями. Манипулирование общественным мнением – прием, ставший уже классическим. «Пути, с помощью которых формируется воля общества по тем или иным вопросам, и сами эти вопросы в точности совпадают со способами воздействия коммерческой рекламы. В обоих случаях речь идет о попытках воздействия на подсознание»³¹. «Это одно из проявлений демократии, что

³¹ Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова.М.: Экономика, 1995. Гл. 21. Ч. 1.С.35.

любой может попытаться убедить других и взять на себя руководство от имени своего собственного тезиса (выдать свое собственное мнение за общественное)»³².

Но сегодняшние «маркетологи» (политики) пошли дальше, научившись не только определять своих покупателей (целевую аудиторию), но и символическим путем формировать её. «Целевая аудитория – это концепция по разработке политики, которая обращает внимание на тот факт, что политика целенаправленна на достижение целей путем изменения поведения людей»³³. Социальное конструирование целевой группы населения оказывает мощное влияние на государственных должностных лиц и формирует как политическую повестку дня, так и политическую реальность. Политические акторы не только определяют проблемы, которые необходимо решить, или цели, которые необходимо достичь, они сами определяют людей, чье поведение связано с достижением поставленных целей. Изменение поведения достигается путем предоставления возможности или принуждения людей делать то, чего они не сделали бы в противном случае. Социальное конструирование целевой аудитории относится к признанию общих характеристик, которые отличают целевую аудиторию как социально значимую, и приписыванию характеристикам специфических ценностей, символов и образов. Политические акторы обосновывают свои политические позиции перед электоратом, формулируя видение общественных интересов, а затем показывая, как предлагаемая политика логически связана с этими широко разделяемыми общественными ценностями.

В современных реалиях, посредником между политиками и гражданами выступают СМИ, задающие определенный медийный нарратив,

³² Manipulating Public Opinion: The Why and The How Edward L. Bernays [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.jstor.org/stable/2765989?readnow=1&refreqid=excelsior%3Ae3cccd514b7ce83ffaa7f15d623c9e9d&seq=2> (дата обращения 21.04.2022)

³³ Schneider A. Ingram H. Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.jstor.org/stable/2939044?readnow=1&refreqid=excelsior%3Af476f76fe995db5a5b923dace8372303&seq=1> (дата обращения 25.04.2022)

формирующий общественное мнение. Постправда, в последние время ставшая феноменом, является одним из таких коммуникативных нарративов. Постправда даёт готовые интерпретации, как правило, откликающиеся личностным убеждениям граждан, факты или аналитические выводы сегодня пользуются меньшим спросом и убеждающей силой, чем готовые объяснения. Многие исследователи сходятся во мнении, что ярким примером пост-правды выступил 2016 год, принесший неожиданные результаты демократических выборов сразу в двух странах. В Соединенных Штатах президентские выборы привели к невероятной победе Дональда Трампа, а референдум в Великобритании послужил поводом для выхода из ЕС одной из самых влиятельных стран союза – самой Великобритании. Такой исход никто не смог предугадать, однако он указал на новую тенденцию: распространение фальшивых новостей. Это вдохновило фразу «пост-правда» для описания нового политического порядка, в котором уверенность в экспертных знаниях, объективных сообщениях СМИ и основанных на фактах отчетах была резко поколеблена³⁴. Эта тенденция подняла вопрос о том, подходит ли к концу эпоха правды в политике, сменившись новым причудливым порядком эмоционального резонанса, дезориентации и манипуляций со стороны политических лидеров без последствий. Вот только остается вопрос: была ли предыдущая эпоха правдивой?

Выбор, сделанный во время референдумов и избирательных кампаний Брексита и Трампа, а также последующих администраций, возможно, представляет собой не столько разрыв с объективностью и правдой, сколько скорее отход от более сложных отношений между «правдой» и управлением. «Предметное пространство анализа «политики пост-правды» описывается как противостояние «неистинной», «неразумной», «манипулятивной» («пропагандистской») технологии социального конструирования политическими элитами и экспертными сообществами политической повестки

³⁴ См.: Casabó C. Post-truth politics and the fracture of neo-liberalism's "double-truth" doctrine: governmentality and resistance in the US and the UK *St Antony's International Review* 13. no. 2 2018. 48-63.

дня посредством современных массмедиа, – истинным, основанным на научном анализе дискурсивным практикам критического анализа интеллектуалов»³⁵.

Политический язык создан для того, чтобы ложь звучала правдиво и убийственно респектабельно, для придания солидного вида. Политические кампании и в целом политический процесс – это производство смыслов, и их результаты в значительной степени определяются тем, насколько хорошо их лидеры, кандидаты, передают эти смыслы гражданам (аудитории). Кандидаты стремятся создать смысл главного символа своей кампании – себя. Кандидаты говорят не только о себе, но и друг о друге, а обширная и сложная сеть комментаторов, от репортеров новостей до телеведущих поздним вечером, радиоведущих и блогеров, мемы, также участвуют в производстве смысла, хотя и с разной степенью конституирующей силы.

В свое время философ Ханна Арендт, прослеживая тенденции в эволюции политических коммуникаций в своей статье «Истина и политика» отмечала, что правдивость и честность никогда не относились к числу достоинств политика, и что ложь всегда считалась необходимым и оправданным инструментом политиков и государственных деятелей. Однако в современном мире фактическая правда, идущая вразрез с интересами определенной политической группы, воспринимается с большей враждебностью, чем когда-либо прежде. Х. Арендт подчеркивает, что, хотя это правда, что наша фактическая истина никогда не бывает полностью свободна от интерпретации или личной точки зрения, эта ситуация не может служить основой для выражения мнения, как и не может служить оправданием стирания разделительных линий между фактом, мнением и интерпретацией. С другой стороны, «в социальном аспекте, связанном с восприятием коллективными акторами друг друга, понятие «пост-правда» в высшей степени нормативно амбивалентно: то, что для одних участников

³⁵ Завершинский К.Ф. Эпистемологические антиномии в исследовании феномена «постправды» Политика постправды» и популизм. Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С.8.

коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других – это естественное состояние, некая безусловная «правда» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственного суверенитета»³⁶.

Тем не менее, результатом субъективности истины становится запутавшаяся общественность, которая не может отличить факт от вымысла. Эта путаница, считает Х. Арндт, усиливается благодаря средствам массовой информации. Все больше и больше в нынешнюю эпоху пост-правды – отрицание открытых фактов, предпочтение фактам, которые соответствуют мнению человека и подкрепляют его. Например, в отношении тех, кто выступает против прививок от болезней и тех, кто отрицает глобальное потепление, они не только рассказывают другую историю о тех же фактах и предлагают теорию, конкурирующую с принятой научной теорией, но они также отрицают факты, которые были обнаружены в реальности. Еще в середине прошлого века Х. Арндт заявила, что ложь всегда считалась оправданным инструментом политиков и государственных деятелей. Тем не менее, похоже, что ложь прошлого была более мягкой.

Таким образом, первый вопрос, связанный с политикой постправды, который всегда задаётся, заключается в том, всегда ли существовала ложь? В некотором смысле в пост-правде нет ничего нового, и ложь будет продолжаться, что бы мы ни делали. Однако, пост-правда - это наше участие и степень нашего сговора в этой лжи. Различные социальные группы, будучи объектами манипулятивного воздействия и даже осознавая это воздействие, соглашаются на такое положение дел, по сути ущемляющие их права и негативно отражающиеся на будущее. Есть две вещи, которые произошли с гражданством как таковым и, соответственно, с политической репрезентацией: они были подорваны этатизмом и потребительством реальным и коммуникационным.

³⁶ Там же. С. 10.

Таким образом, одной из важных особенностей политико-культурной репрезентации является медийные технологии и вытекающие из них феномены, такие как постправда. Хотя новые медиа-технологии действительно способствуют процессу демократизации в определенных контекстах, они также могут использоваться как средство укрепления власти. В литературе ведутся различные дискуссии о влиянии интернет-технологий и социальных сетей на процессы в демократических и недемократических странах.

В контексте этих дебатов существуют оптимистичные подходы, которые подтверждают роль социальных сетей в демократии, и те, которые придерживаются более скептической точке зрения. Скептики говорят, о структурных изменения, привнесенных новыми медиа-технологиями. Случаи использования поддельных аккаунтов в социальных сетях разжигание социального хаоса в стране и распространение контента, который манипулирует общественностью в отношении правительств, выборов или других групп, были отмечены на президентских выборах в США в 2016 году, референдуме по Brexit и выборах во Франции, Германии и Турции.

Факт использования государственными и негосударственными субъектами политики пост-правды в качестве символического инструмента для манипулирования социальной и политической жизнью, делает возможным рассмотрение этого феномена в качестве угрозы политической репрезентации как институционального механизма демократии. Справедливости ради, более оптимистичный подход предполагает, что коммуникационные технологии оказывают положительное влияние на демократизацию и культуру участия, в то время как скептические подходы привлекают внимание к использованию этих технологий на службе авторитаризма, радикализации, манипуляций. Отечественный политолог К.Ф. Завершинский отмечает: «пространство «политики постправды» часто рассматривается как специфический политико-культурный феномен («симуляции» и «зрелищности» политики «эпохи постмодерна»), связанный с символизацией практик принуждения

многообразными социальными акторами, эгоистично борющимися за сохранение или приобретение политической власти. Антитезой подобному восприятию является признание неизбежности исторической логики мировой глобализации и модернизации, в ходе которой будут преодолены коммуникативные сбои, порожденные процессом перехода к новому качеству коммуникаций в реалиях «общества обществ»³⁷.

Еще одной особенностью политической репрезентации является рост автономии политической культуры и возрастание роли исследования символической активности акторов политической репрезентации. В таком разрезе необходимо уделить внимание политике памяти. «Политика памяти, то есть деятельность государства и других институтов и групп, направленная на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом, естественно, предполагает не только конкуренцию интерпретаций, но и наличие акторов, которые их отстаивают и продвигают. Собственно, взаимодействие мнемонических акторов – «политических сил, заинтересованных в специфической интерпретации прошлого» – и определяет конфигурацию данного поля»³⁸.

³⁷ Там же С.7.

³⁸ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 104.

ГЛАВА 2. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Следуя за эстетической концепцией Ф.Р. Анкерсмита, мы выявляем, что политическая реальность, может возникнуть только вместе с репрезентацией, более того можно сказать, что без репрезентации нет политической реальности. Развивая эту мысль Ф.Р. Анкерсмит говорит, что со стороны репрезентируемых нет сформированного запроса на конкретное политическое действие и только репрезентация может его сформировать и определить. То есть по мнению голландского философа, реальности нет, как таковой пока нет её репрезентации.

«Политическую реальность нельзя отождествлять с гражданами, институтами, поскольку они существуют до или независимо от процессов репрезентации; только когда у граждан, институций, политических партий и всех прочих складываются представления друг о друге, они начинают воспринимать друг друга из некоторой перспективы, возникает сцена для интеракции, которую можно назвать политической реальностью»³⁹. Но есть очень важный момент, на который делает акцент Ф.Р. Анкерсмит, возникновение политической реальности возможно только если политическая репрезентация выражена через государство и нацию. Сама по себе политическая репрезентация как субъект действия не работает, поэтому нам стоит более приближенно рассмотреть одного из двух главных акторов – элиту, имеющую полный карт-бланш на формирование «представления друг о друге», тем самым создавая нацию и государство.

«Репрезентация получает свои цель и значение благодаря неопределенному и по-разному истолковываемому характеру реальности,

³⁹ Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 236 с.

которая репрезентируется»⁴⁰. В разрезе символической политики основным механизмом формирования реальности является политика памяти, а главными субъектами – мнемонические акторы в лице политических элит.

2.1 Политические элиты как мнемонические акторы политической репрезентации

Предметом параграфа являются теоретические особенности рассмотрения концепта политических элит как мнемонических акторов. Кратко характеризуются основные подходы к анализу политических элит.

Начиная разговор о «элитах как мнемонических акторах», необходимо начать с определения понятия и рассмотрения классических элитарных подходов. Теории элит были "доминирующей темой в истории западной мысли" с начала прошлого века, они привлекли внимание политологов и социологов по всему миру, особенно тех, кто интересуется исследованиями распределения власти, влияния и принятия решений авторитет в обществе. Термин «элита» впервые упомянул итальянский социолог Вильфредо Парето и определил его как «доминирующее меньшинство в социальных системах, лучшие из лучших и превосходящие по интеллектуальным способностям». Исследование исторических изменений, согласно В. Парето – это изучение элит. Ученый настаивал, на том, что изучение решений принятых элитой более важно для истории общества по сравнению с исследованием событий и решений, принимаемых его широкими массами. Существует три основных подхода к определению властных элит. Первый подход – элиты как институты. Второй, элиты могут быть рассмотрены как функциональные группы и третий – элиты как социальный слой. Любой из вариантов, как заведено, имеет определенные теоретические обоснования и возможности.

⁴⁰ Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2014. 66 с.

Если рассматривать элиты как институты, то здесь на передний план выходят структурированность, объективизация целей и упорядоченность деятельности. Элиты рассматриваются как акторы, разрабатывающие и контролируемые стратегические ходы и владеющие общественными ресурсами. А их деятельность как главный инструмент стабилизации общества и всех систем и подсистем. «Контроль позиций и ресурсов обеспечивает легальную и легитимную возможность принимать кардинальные и конечные решения, доминировать в формальных институтах, определять и контролировать правила их функционирования, задать направленность их деятельности, координировать их работу»⁴¹.

Профессор социологии Колумбийского университета Чарльз Райт Миллс выделяет три основные элиты в США: руководителей корпораций, политических лидеров и военачальников. Ч.Р. Миллс описывает американское общество как массовое общество, в котором правящая элита решает все важные вопросы и успокаивает массы лестью, обманом и развлечениями. Он ссылается на коррупцию властной элиты, которую он объясняет отсутствием какой-либо организованной общественности, перед которой властная элита несет ответственность за свои решения. Ч.Р. Миллс также говорит о доминировании богатых и политическом влиянии военачальников и подчеркивает возрастающую связь капитализма и государственных интересов. «Тенденция к более тесному и глубокому переплетению интересов бизнеса и государства, наблюдавшаяся в течение длительного времени, обозначилась еще яснее, чем раньше. Теперь их уже невозможно различать как отдельные сферы. Особенно решительный характер это сближение получило в исполнительных органах государства. Рост исполнительных органов государства с их ведомствами, контролирующими сложную экономику наших дней, не сводится попросту к "расширению функций государственной власти" как своего рода независимой бюрократии; в этом явлении сказались

⁴¹ Дука А.В. О подходах к анализу властных элит, Управленческое консультирование, 3(47), 2012.С.53.

возвышение заправил корпораций как политической силы выдающегося значения»⁴².

Элиты как функциональные группы – это совокупность персон, имеющих ресурс для принятия кардинальных решений. Властные элиты в функциональной теории задействованы для стабилизации и сохранения системы. К функциональному подходу можно отнести теории элит Вильфредо Парето и Гаэтано Моска.

В. Парето говоря о элитах, в основном рассматривает экономические и политические, однако он готов распространить использование этого термина на религиозную сферу и искусство, словом, на все сферы где могут быть задействованы высшие слои общества. Элита, по его мнению, представляет собой два класса: правящую элиту, включающую индивидов, которые прямо или косвенно играют значительную роль в правительстве; и неуправляемую элиту, включающую остальных. Теория В. Парето очень гибкая, учёный утверждает наличие в обществе множество соперничающих элит, но не выделяет конкретных критерии отделяющие элиту от остального общества⁴³.

В. Парето в рамках элитарной теории есть несколько законов, которые, по его мнению, заслуживают особого внимания. Ученый пишет, что по большей части все человеческие действия начинается не в логических рассуждениях, а во чувственном восприятии – улучшение. Также: «Человек, хоть и мотивируется действиями нелогичными мотивами, любит логически привязывать свои действия к определенным принципам, поэтому он изобретает их апостериори для оправдания своих действий»⁴⁴. С помощью этой психологической основы В. Парето говорит, что человеческие действия – это сочетание «остатков» и «производных», а вторые являются основными мотивами и внешним обоснованием человеческих действий.

⁴² Миллс Р. Властвующая элита. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Перевод с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон (845) С. 645.

⁴³ Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 308.

⁴⁴ Там же. С. 310.

При этом более важная дискуссия сосредоточена вокруг остатков, но наиболее важным вкладом В. Парето стала концепция «циркуляция элит». «Циркуляция элит» означает нечто большее, чем представление о том, что новые люди с деньгами и властью заменяют старых. Таким образом, доминирующий состав элиты меняется по мере того, как консерваторы заменяют новаторов, а новаторы в свою очередь заменяют консерваторов. В этом случае, как правило, происходит переход от консерватизма к радикализму и так далее. На протяжении всего процесса циркуляции элит подразумевается, что изменения в составе элиты происходят нерегулярно, но непрерывно. Перетасовка элит сопровождается ростом религиозно-гуманитарных настроений, при которых существующая элита становится более мягкой и кроткой в отношении к своей власти.

Другой известный теоретик элит Гаэтано Моска употребляет термин «элита» в очень узком смысле. Элита – это правящий класс. В своей книге «Правящий класс» он пишет, что во всех обществах появляются два класса людей: правящий и управляемый⁴⁵. Как правило, первый класс всегда менее многочисленный выполняет все политические функции и монополизирует власть. В то время как второй, более многочисленный класс управляется первым способом: он может быть законным или произвольным-агрессивным и насильственным; а также обеспечивает по крайней мере внешне материальными средствами к существованию для жизнеспособности политического организма». Далее Г. Моска пишет, что во всех странах управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей и их мнение по поводу управления, как правило расходится с мнением большинства.

Продолжая тему Г. Моска отметил, что на самом деле меньшинство правит большинством, а не наоборот. Меньшинство, как правило хорошо организовано и подчиняется единому импульсу, поэтому его доминирование

⁴⁵ Mosca G. Elementi di Scienza Politica / V-ta edizione con prefazione di B. Croce. Bari: Laterza & Figli, 1953. P. 80.

над неорганизованными большинством неизбежно. Чем крупнее политическое сообщество, тем сложнее будет ему организовать для реакции на меньшинство.

Подход к рассмотрению элиты Гарета Лассуэлла, исследователи (например, ведущий отечественный исследователь властных элит А.В. Дука) относят к функциональному подходу, однако его теория имеет межпредметное и прежде всего коммуникативное измерение. «Г. Лассуэлл исследовал феномен власти в его многоаспектных проявлениях, рассматривая как неформальную подоплеку властных отношений, так и формальные политические институты с их структурой. Причастность к власти у Г. Лассуэлла определяется влиянием, реальным или потенциальным, на принятие решений»⁴⁶.

Для Г. Лассуэлла «изучение политики – это изучение влияния и влиятельных людей», а «влиятельные – это те, кто получает максимум из того, что можно получить»⁴⁷. Большинство из того, что люди хотят получить, Г. Лассуэлл называет ценностями и, по его словам, основными доблестями являются: почтение, доход и безопасность. Те, кто получает большую часть этих ценностей, являются элитой, остальные – массами. Элиты можно сравнивать как по классу, так и по мастерству. Действительно, они отличаются друг от друга, поскольку обладают разными ценностями. По его словам, на судьбу элиты глубоко влияет то, как она манипулирует окружающей средой, то есть использует насилие, товары, символы и практики. «Элита защищает и самоутверждается во имя символов общей судьбы. Такие символы являются «идеологией» установленного порядка, утопией контрэлит. Используя санкционированные слова и жесты, элита добивается крови, работы, налогов, аплодисментов от масс»⁴⁸.

⁴⁶ Клубков А.А. Критерии элитарности в структурно-функциональном направлении развития теории элит URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-elitarnosti-v-strukturno-funktsionalnom-napravlenii-razvitiya-teorii-elit/viewer> (дата обращения 17.04.2023)

⁴⁷ Lasswell, H D. Politics, Who Gets What, When, How, collected in The Political Writings of Harold D, Lasswell (Illinois : The Free Press, 1951), С. 295.

⁴⁸ Там же С. 311.

Значительной степени исследования элит как социального слоя (класса) тяготеют к институционализму, марксизму, структурализму, символическому интеракционизму. Основные категории анализа – стиль и образ жизни, символическое поведение, коллективные репрезентации и культурные демаркации⁴⁹. Фундаментальный вопрос на котором строится данный подход заключается в проблеме удержания власти и воспроизводства властной группы самой себя. Основой этого направления являются труды: М. Хальбвакса, П. Бурдьё, У. Л. Уорнера и др. «Те, кто занимает место на вершине на протяжении всего лишь одного-двух поколений, чаще всего становятся теми самыми людьми, которые и фактически, и символически препятствуют социальному и экономическому продвижению людей, занимающих низшие позиции. Этот класс людей отчаянно нуждается в том, чтобы удерживать под своим контролем процессы, посредством которых люди вступают в их группу и становятся ее частью. Кроме того, для ощущения собственной безопасности и стабильности им необходимо осуществлять строгий контроль над силами (или каналами), открывающими социально мобильным людям возможности для успешного продвижения»⁵⁰.

Классической работой в разрезе символического является концепция немецкого философа неокантианца Эрнста Кассирера, который попытался соотнести «символическую власть» и «элиту». Работа Э. Кассирера «Философия символических форм» посвящена политической мифологии, признает ее социальную функцию как символической формы и делает вывод о том, что политическая мифология – искусственная конструкция или технология власти⁵¹. Необходимо отметить, что концепция изменений массового сознания как политической и социальной трансформации общества была разработана британским историком А. Тойнби почти одновременно с Э. Кассирером в Великобритании, а затем французским философом-

⁴⁹ Дука А.В. О подходах к анализу властных элит, Управленческое консультирование, 3(47), 2012.С.54.

⁵⁰ Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С.47

⁵¹ Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.

постструктуралистом Роланом Бартез. В его работе «Мифы» он развивал проблему взаимосвязи языка и власти, представляя мифические системы в кино, рекламе и телевидении как особую коммуникативную систему современной культуры, которая позволяет языку быть ключевой частью социализации общества.

В рамках символического подхода, особого внимания заслуживает работа отечественного исследователя символической политики, доктора философских наук О.Ю. Малиновой «Политика памяти как область символической политики», в которой автор рассматривает политическую элиту, как мнемонических акторов. Мнемонический режим – «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия»⁵².

Главная проблема, рассмотрения элит как мнемонических акторов, да и в целом проблема символической политики: всегда ли символическая политика и действия политических акторов в рамках символической политики (политики памяти) несут в себе фальсификационный характер?

Мнения в исследовательском пространстве символической политики разделились на два лагеря. С.П. Поцелуев выдвигает тезис о том, что символическая политика – это особый вид коммуникаций, цель которого внушить нам определенный набор смыслов. То есть в этой интерпретации символическая политика является полем для манипуляции и фальсификации мнемонических акторов и не является настоящей политикой. Второй подход, представляет О.Ю. Малинова, она отталкивается от трактования Пьера Бурдьё символической политики как борьбы за смыслы. «Деятельность [символическая политика] политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов

⁵² Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: НесторИстория, 2018. С. 305.

интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих». Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики»⁵³.

Аргументируя свой подход «в защиту символической политики» и использования политики памяти О.Ю Малинова отмечает, что несмотря на то, что у элит есть ресурсы для создания систем смыслов, они сами являются заложниками этой системы. Второй важный аргумент, символическая политика – не одностороннее действие. «Однако несмотря на эти эксклюзивные возможности, доминирование поддерживаемых государством интерпретаций социальной реальности отнюдь не предрешено: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственным путем, у индивидов есть возможность «лукавого приспособления» и «своемысления». Осуждение существующего социального порядка – более важная часть символической политики, нежели легитимация»⁵⁴. Д.А. Кертцер пишет: «индивиды не свободны в выборе символической системы, в которой они действуют. Кроме того, символы появляются не спонтанно или случайно, а под влиянием распределения ресурсов в их обществе и в окружающих обществах»⁵⁵.

Отечественный политолог К.Ф. Завершинский отмечает: «Процессы политико-культурной идентификации политических элит в реалиях современных политических коммуникаций в высшей степени амбивалентны: то, что для одних политических акторов коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других – естественное состояние, некая безусловная «истина» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственности».

⁵³ Там же С. 306.

⁵⁴ Там же С. 311.

⁵⁵ Kertzer D.I. Ritual, politics, and power. – New Haven, etc.: Yale univ. press, 1988. P.222.

Таким образом, рассмотрев различные подходы к определению политических элит, можно прийти к выводу, что так или иначе во всех определениях и социологических измерениях феномена элит присутствует отсылка к роли символических практик их позиционирования, легитимации и самолегитимации. Используя символический капитал и стратегии символической политики, репрезентируя тем самым себя в политическом пространстве, политические элиты становятся мнемоническими акторами, участниками процесса социального конструирования политической памяти.

2.2 Политическая память как символическая среда политической репрезентации

Цель этой главы – исследовать инструменты непрерывного увековечения или конструирование коллективной памяти с помощью властных структур, которые влияют и формируют общественное сознание и действия. Также немало важной задачей является соотнесение «политики памяти» «символической политики» и «политических элит». «Политика памяти» всегда занимала ядро символической политики, это отметил ещё Пьер Бурдьё: «самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего»⁵⁶.

Область социальной или коллективной памяти обширна, с индивидуальным вкладом, варьирующимся от биологии и медицины и до социальной сферы. Таким образом, чтобы разобраться в таком ошеломляющем множестве тем, необходимо ограничить наш охват конкретными областями социально-научных исследований, которые были связаны с социальным измерением мнемонических практик и, более того с памятью коллективов и групп⁵⁷. В контексте проблематики политической памяти анализируется вопрос о производстве знаний и памяти от обширных временных рамок национальной идентичности, от древнего прошлого до современности.

Историческое знание и коллективная память не являются полными противоположностями; и то, и другое сконструировано и взаимодействует. Ключом к их отношениям является политика памяти, где инструментами являются памятные акты, поскольку с их помощью избирательно используется

⁵⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С.79.

⁵⁷ Olick, J.K., "Collective Memory: The Two Cultures." *Sociological Theory* 17(3): 1999. P.340.

опыт прошлого. В коллективной памяти историческое послание всегда используется избирательно, и фрагментарность поминовений является источником конфликтов. Памятные мероприятия создают или воспроизводят доминирующее памятное повествование. Поэтому поминовение обычно носит ритуальный характер, подчиняясь четкому моральному посланию.

Можно выделить народную, политическую и экспертную коллективную память, народное измерение памяти политической солидарности относится к повседневной жизни, к общей памяти. Политическая определяется политикой памяти и ее различными стратегиями: либеральной, использующей отсутствие памяти, амнезию, забвение, или консервативной, которая обращается к традиции.

Существуют многочисленные исследования, в которых основное внимание уделяется тому, как ритуалы и практики поминовения способствуют построению конкретных интерпретаций национального прошлого в настоящем. Некоторые из этих исследований в основном уделяют внимание памяти о Холокосте и двух мировых войнах в Европе. В то время как другие исследования сосредоточены на конкретных личностях⁵⁸. Независимо от их конкретной направленности, этот поиск подчеркивает значение праздников, торжеств и других коллективных ритуалов для формирования национальной идентичности. Неявно или явно, на это направление исследований оказали большое влияние работы Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера, в частности «Изобретении традиции», вышедшая в свет в 1983.

Джеффри Олик предположил, что «коллективная память» – это обобщающий термин, который относится к широкому спектру мнемонических продуктов и практик. Продукты включают в себя истории, ритуалы, книги, речи, изображения, записи и т.д.; в то время как практики включают пересказ, репрезентацию, празднование, сожаление, отрицание, рационализацию и

⁵⁸ Spillman, K.R., & Spillmann, K. Some sociobiological and psychological aspects of “Images of the Enemy.” In R. Fiebig-von Has & U. Lehmkuhl (Eds.), *Enemy images in American history* Providence, RI: Berghahn 1997. P.53.

другие. По его мнению, индивидуальные и коллективные аспекты памяти взаимосвязаны. Он предполагает, что анализ коллективной памяти должен основываться на трех принципах. Во-первых, стоит признать сложность и противоречивую природу коллективной памяти. Во-вторых, ученые должны избегать заблуждения, приписывающего памяти подлинность, а также заблуждения, делающего память чистым изобретением современников⁵⁹.

В-третьих, память - это процесс, а не вещь: это то, что люди делают, но не то, что у них есть. Вышесказанное обеспечивает парадигму исследования, которая несет на себе отпечаток символического интеракционизма: память в конечном счете зависит от индивидов и остается открытой для реконструкции и пересмотра. Сама реальность коллективной памяти, так сказать, витает в воздухе: это продукт социальных акторов, а не фактор, определяющий эти действия. Память – это объяснение, эффект, который объясняется социальными действиями производителей памяти.

Как таковая, память не оказывает априорного воздействия на людей: она является не причиной социального действия, а скорее его следствием. В этом отношении социология теории мнемонических практик обречена уклоняться от исторически обоснованных или ограниченных обобщений и придерживаться концептуальной стратегии исторической конкретики.

Исследования Джеффри Александера, посвященные культурной травме, наводят на мысль о другом подходе к памяти. Американский социолог обеспокоен ролью травмы в современном мире. В то время как конструирование общественной памяти рассматривается как выражение интересов элиты "сверху". Культурная травма – это отдельное измерение, поскольку она относится к более абстрактным и опосредованным понятиям коллективной идентичности, включая религиозную и национальную идентичность. Внутренняя травма обычно связана с травматическим инцидентом и, следовательно, с индивидуальной и коллективной травмой, но

⁵⁹ См.: Olick, J.K. "Collective Memory: The Two Cultures." *Sociological Theory* 17(3): 1999. P. 333–348.

ее возникновение зависит от множества факторов. Культурные травмы – процессы придания значения и атрибуции, спорный процесс, в ходе которого различные индивиды и группы борются за определение ситуации, управление ею и контроль над ней. Политические акторы не могут создать травму на пустом месте, скорее всего, произойдет какое-то мощное, шокирующее событие, которое создаст возможность для обладания, предоставляя возможность мобилизовать мысли и эмоции. Таким образом, культурная травма, эмоциональный опыт и интерпретативная реакция имеют две стороны. Потрясения вызывают эмоции, нарушая повседневную рутину и, поскольку они требуют интерпретации, открывая дискурсивное поле, где хорошо поставленные личности могут играть второстепенную роль. В современном обществе доступ к средствам массовой информации играет важную роль в этом процессе.

Потенциал памяти как фактора, определяющего будущее, а не как пойманного в ловушку, неизбежного прошлого, находится в центре внимания потенциальных социальных трансформаций⁶⁰. Описывает «прямую линию, (которая) проходит между воспоминанием о прошлом и формированием идентичности в настоящем», «артикуляцию прошлого в коллективной памяти как борьбу за признание, в которой могут быть только победители и проигравшие».

Связь между памятью и коллективным и индивидуальным общественным сознанием прослеживается для того, чтобы подчеркнуть преобразующую способность к утверждению индивидуальных и коллективных нарративов об историческом прошлом.

Отдельный пласт политики памяти – это наименования. Сила именования, конструирования и продуцирования памяти постоянно проявляется на новостных каналах, в учебниках истории и средствах массовой информации. Это почти всегда происходит с определенной точки зрения

⁶⁰ Rothberg, Michael, *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. P. 3.

власти или, по крайней мере, поддерживается и распознается через механизм/источник власти. Именно по этим причинам усилия по продвижению множества источников получения знаний и опыта находят отклик в обществе, чтобы раскрыть и представить более одного повествования.

Марк Фриман рассуждая на тему памяти и нарративов пишет, что ложность и правдивость выходит из неразрешимого вопроса: а что такое реальность? «Концепция реальности, которая обычно всплывает на поверхность, когда истории о личном прошлом низводятся до статуса искусной лжи, это – та, которая воображается свободной от наших собственных конструкций, череды «вещей», которые просто происходят «во времени», и которую мы неизбежно фальсифицируем, когда позже оглядываемся назад и пытаемся навязать какой-то порядок»⁶¹.

Таким образом, отсылки к прошлому чрезвычайно сильны, потому что они способны трансформировать временность в безвременье и потому что они неоднозначны. Как таковые, они становятся важными устройствами, символически выражающими преемственность между прошлым и настоящим и подтверждающими целостность сообщества. Антрополог Д. Фридман отмечает: «Конструирование прошлого... это проект, который избирательно организует события в соответствии с принципом непрерывности с современным сюжетом, создавая тем самым адекватное представление о жизни, ведущей к настоящему, то есть историю жизни, сформированную в акте самоопределения»⁶². Идентичность здесь является решающим вопросом власти. Следовательно, история и память становятся ценными инструментами, поскольку они податливы и открыты для интерпретации.

⁶¹ Freeman M. Telling Stories: Memory and Narrative // Memory: Histories, Theories, Debates, 2010. P. 267.

⁶² Friedman, J. 1992. The Past in the Present: History and the Politics of Identity. *American Anthropologist* 94(4): P. 657.

2.3 Специфика мнемонических практики политической репрезентации современных элит

Символическая политика, проводимая современными элитами включает в себя широкий спектр мнемонических практик, которые так или иначе могут быть отнесены к основным составляющим конструирования представлений о политической реальности и способом «проведения» политической репрезентации. В этом параграфе будет рассмотрен кейс предвыборной кампании Дональда Трампа 2016 года как иллюстрация кризиса практик символической репрезентации.

Восхождение Дональда Трампа к власти в качестве сорок пятого президента Соединенных Штатов для многих было неожиданным исходом, а для кого-то, может быть, и вовсе моментом, когда в истории трагедия и фарс пересеклись. То, что шоумен и магнат занял первое место в списке кандидатов на выдвижения от Республиканской партии, а также лидировал на ранних праймериз, вызвало недоумение у общественности. Новый президент США не был выбран ни на основе подробной или последовательной программы, ни на основе идеологии. Его позиция против истеблишмента, экономический протекционизм, антиэмиграционные постулаты, приоритет борьбы с терроризмом были в какой-то момент одобрены электоратом, и люди из рабочего класса стали поддерживать кандидата-республиканца, чья консервативная политика шла им в ущерб. Описывая победу Д. Трампа, специалист по опросам Фрэнк Ланц сказал: «Никогда ещё политический класс/индустрия/элита так не понимали электорат и так не понимали приоритеты американцев»⁶³. Фрэнк Ланц не прав в одном – тогдашняя политическая элита в лице Трампа отлично уловила эмоциональный запрос электората, что и стало причиной восхождение на Олимп. В современном научном дискурсе сформировано мнение, что трампизм – это социальное

⁶³ Frank Luntz, “What the Polls Were Never Going to Reveal,” Time, Nov 11, 2016, [Электронный ресурс] URL.: <http://time.com/4565560/frank-luntz-polls-never-reveal/>. (дата обращения 12.04.2022)

явление, которое постепенно развивалось и наиболее ярко выразилось в победе Д. Трампа на выборах президента США, его предвыборной кампании⁶⁴.

Хорошо известно, что государственные символы, создаются для национального единства или для укрепления авторитета правительства, но мало что известно о использовании политических символов для придания статуса. Джозеф Гусфилд называет первые «жестами сплочения», а вторые – «жестами дифференциации». Символы первого передают согласованное утверждение единства. Напротив, символы дифференциации используют способность правительства сигнализировать об уважении или стигматизации определенной группы. Как отмечает Д. Гусфилд, используя символические сигналы, «правительства принимают чью-либо сторону в социальных конфликтах и ставят власть и престиж общества, действующие через политический институт, на ту или иную сторону. Они указывают на типы людей, вкусы, мораль и общий образ жизни, к которому правительство относится с симпатией или порицанием. Именно через этот механизм символического характера правительство влияет на статусный порядок». Общественные движения и группы по интересам часто стремятся вызвать эти символические сигналы как средство создания норм, влияющих на статус группы. Чем авторитетнее организация, тем более эффективным может быть ее нормативный сигнал. Та же логика применима к левым движениям, которые пытаются выровнять иерархию, и к правым движениям, которые стремятся сохранить или усилить ее.

Феномен политической солидарности, если описывать его исключительно на языке политической истории, не вполне понятен как социальный и культурный феномен. Это движение, обладающее уникальными характеристиками, которое описывается по-разному в зависимости от его аспектов: борьба за политическую независимость, демократию и гражданские права, рабочее и социальное движение или национальное. Источником

⁶⁴ Дулина Н.В., Моисеева Д.В.Трамизм как новое социальное явление: анализ современного научного дискурса / Социологический альманах. 2019.№10. С.264.

двусмысленности понятия "солидарность" является не только конфликт по поводу интерпретации процесса политических изменений, но, прежде всего, трудность понимания феномена "солидарности" как такового.

Чтобы понять феномен "солидарности", можно взглянуть на него с конструкционистской точки зрения, которая показывает его как символическое движение. Феномен политической солидарности - это также феномен коллективной памяти. Это не только вопрос воспоминания о "солидарности" с нынешней точки зрения, то есть ритуалах оглядывания на прошлый коллективный опыт нации или народа. В рамках политики памяти для создания солидарности в обществе и мотивации людей на действия мнемоническими акторами используются следующие инструменты: мифы, ритуалы, перформансы, традиции. Все это находит свое выражение в символических формах отражения совместного «прошлого» опыта.

Сегодня в демократических обществах, политический актер должен стать символом и спроецировать «себя» на всю гражданскую сферу. Борьба за власть производит обращенные к гражданским аудиториям смыслы и стили, которые рассредотачиваются от близких до самых далеких регионов и фрагментируются по всем известным демографическим категориям. Кандидаты в президенты стремятся возглавить целую нацию, состоящую из множества групп, каждая из которых формируется вокруг общих черт идентичности и держится вместе благодаря разной степени солидарности. Нация состоит из отдельных людей, чьи «я» представляют собой различные комбинации этих идентичностей. Поэтому мнемонические акторы должны апеллировать к конкретным идентичностям и демонстрировать солидарность с ними, и они должны дистанцироваться от других.

Тем не менее, чтобы продемонстрировать способность вести за собой весь коллектив, кандидат должен совершить противоречивый акт одновременного принятия партикуляристских идентичностей и в то же время демонстрация способности преодолевать их. Завоевание власти зависит от создания спектаклей, которые успешно пробивают брешь в некоторые из

этих больших социальных слоев⁶⁵. В этом смысле интересен опыт Д. Трампа. Как человек, имеющий огромный опыт в медиа, он взял логику реального телевидения и перенес её на предвыборную компанию, которая носит беспрецедентный для политики США театральный характер. Сюжет Д. Трампа заключается в том, что Америка находится в упадке, потому что ее нынешние лидеры – глупцы. Сюжеты кандидатов в президенты имеют простую структуру. У них есть начало, в котором кандидат называет проблему; середина, в которой кандидат описывает план, и конец, в котором кандидат настаивает на том, что после избрания он решит эту проблему и вернет нации ее мифическое величие.

Дональд Трамп начинает сюжет аналогичным образом, называя проблему. Однако он отличается от типичной формы сюжета в среднем элементе: вместо того чтобы назвать политику или план, он переходит к развитию персонажа-победителя, опытного менеджера и сильного переговорщика. Затем он возвращается к форме, завершая сюжет повторением лозунга своей кампании, а именно, что он «сделает Америку снова великой». Его сценарий диктует ему делать подстрекательские характеристики личностей, которые исторически были маргинализированы, но чьи претензии на большее включение и уважение привлекли повышенное внимание в последние годы; в основном это женщины, этнические, расовые и религиозные меньшинства.

Перформанс стал философией его управления. Прилет Трампа в штат Алабама на его собственном «Trump Jet» сопровождаемый восторженными возгласами его поклонников стал главным сюжетом новостного цикла, как и многие другие подобные ежедневные события, которые СМИ назвали «летом Трампа». Зрелище представляется как самый мощный пропагандистский фильм всех времен, сравнимое разве что с полетом фюрера. Путем обращения к идентичностям и архетипам, и превращения себя в рок-звезду, политикам

⁶⁵Александр Д. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 / Социология №4, 2008. С.7.

тем самым удастся установить связь с избирателями. Модернизация, разрушив традиционные социальные структуры, вызвала потребность в новой форме политической коммуникации, в которой должны быть созданы новые «символические реальности», содержащей «символические шаблоны героев и злодеев, ценностей и стремлений, истории, мифологии и самоопределения»⁶⁶. Избирательная кампания Д. Трампа была кампанией СМИ. Решающую роль здесь сыграли не просто СМИ, а новые социальные СМИ (Facebook, Twitter, Instagram, Tumblr), вытеснившие медиа-гигантов таких как Fox, CNN. Эти платформы, заточенные под циркуляцию определенного типа информации, где упаковка важнее содержимого. Однако традиционные СМИ внесли большую лепту в предвыборную кампанию Д. Трампа, так как изначально восприняли её как шоу и, соответственно, сами помогли будущему президенту породить и поддерживать этот перформанс, наращивая аудиторию. Так, «New Yorker» писал, что президентские амбиции кандидата Трампа не более, чем продвижение «бренда Трампа»⁶⁷. Социальные медиа, с одной стороны, это инструменты способствующие развитию демократии, путем создания пространства политической коммуникации, которое позволяет широкое участие граждан в нем. С другой, в сети доминируют корпорации, которые накапливают капитал, эксплуатируя и используя пользователей, и именно поэтому они никогда не смогут стать по-настоящему партисипативными⁶⁸. В теории Герберта Маркузе, сегодняшние социальные медиа – это новый тип символической машины. Его функция в контексте развитого капитализма, освобождение людей от вины за пассивность и инертность перед

⁶⁶ Panayota Gounari Authoritarianism, Discourse and Social Media: Trump as the ‘American Agitator’ [Электронный ресурс] URL.: https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv9hvtcf.13.pdf?refreqid=fastlydefault%3Aeeb2c63b3648650221266748d109674d&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results (дата обращения 21.04.2022)

⁶⁷ Gold The Media's Trump Reckoning: "Everyone Was Wrong" [Электронный ресурс] URL.: https://www.realclearpolitics.com/2016/03/02/the_media039s_trump_reckoning_quoteeveryone_was_wrongquot_377377.html (дата обращения 18.04.2022)

⁶⁸ Panayota Gounari Authoritarianism, Discourse and Social Media: Trump as the ‘American Agitator’ [Электронный ресурс] URL.: https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv9hvtcf.13.pdf?refreqid=fastlydefault%3Aeeb2c63b3648650221266748d109674d&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results (дата обращения 21.04.2022)

надвигающейся катастрофой. Присутствие в социальном-медийном пространстве и участие в дискуссиях, немного успокаивает граждан «он вполне может уменьшить стресс интеллекта, боль и напряжение, которые сопровождают автономную умственную деятельность - таким образом, он может быть эффективной агрессией против разума в его социально тревожных, критических функциях»⁶⁹.

Социальные медиа как культурные товары артикулируют и производят знакомые дискурсы, которые перекликаются с другими продуктами культурной индустрии. Твиты Д. Трампа являются иллюстрацией массовой культуры, где язык прост, но в то же время напыщен и бросок. Как лидер, он артикулирует специфический авторитарный дискурс, в котором мы можем определить использование простого, бедного языка, такого, который, как отмечает Умберто Эко, можно найти в нацистских школьных учебниках. Кажется, чем больше Трампа критикуют, тем больше его популярность растет, тем больше его сторонники настаивают на своей верности ему и верят в истинность той версии фактов, которую он им преподносит. Сторонники Трампа сохраняют лояльность и чувство страсти по отношению к нему, потому что он мастер вызывать страстные отклики и использовать их и эффективно использовать эти реакции в выражениях и сообщениях СМИ. Д. Трамп «совершенно современен в воплощении ценностей аффективных медиа, вызывая либидинальную энергию своей аудитории»⁷⁰.

Эту нездоровую привязанность к Дональду Трампу часто объясняют тем, что люди стали жертвами привлекательности бунтарского архетипа, чей дискурс и яркий стиль снижают сложность и дают чувство безопасности в том не доброжелательном мире. Дискурс Дональда Трампа предлагает эмоциональную близость, «риторически разбивая мир на победителей и проигравших, отстаивая, по его словам - ранее сильных белых мужчин и

⁶⁹ Маркузе, Г. Одномерный человек //Герберт Маркузе (Пер.с англ.А.А.Юдина). М.:АСТ: ЕРМАК, 2003.С.103.

⁷⁰ Olson G. Love and Hate Online Affective Politics in the Era of Trump // Violence and Trolling on Social Media: History, Affect, and Effects of Online Vitriol // Amsterdam University Press. (2020) . P. 162.

рабочих людей, которые были необоснованно ослаблены вашингтонской элитой, и через его повторяющиеся признания в любви к этим людям»⁷¹. Он прямолинейный оратор, чьи взгляды на иммиграцию, глобализацию свободны от оговорок. Д. Трамп представил американское общество как деградировавшее и униженное, над которым смеются, и которое понесло ряд потерь. Он указал врагов и назвал угрозы. Публичные выступления Д. Трампа были клоунскими и гротескными, своими движениями он имитировал врагов своим телом. Яростно указывая и нанося удары вниз, он атаковал и угрожал врагам руками. Он настаивал на том, что говорит о здравом смысле или об истинах, которые все знают, но боятся произнести. Он утверждал, что это говорит о его смелости, самостоятельности, подлинности и бунтарстве. Он был волшебником, он выступал, и его аудитория должна была доверять его особым способностям. Его богатство, в конце концов, должно быть достаточным доказательством того, что он владеет необычными способностями.

Исследователи личности Трампа рассматривают его личностные характеристики в плоскости фрейдизма и говорят о нём как об «Id» американской политики⁷². Д. Трамп демонстрирует невероятное Эго, которое когда-либо встречалось в политическом поле, постоянно ставя на первое место свое богатство, свой успех в бизнесе, то, насколько он умен, как сильно его боготворят женщины и все, кто на него работают, и что его книга «Искусство сделки» - величайшая из когда-либо написанных книг.

Дональд Трамп принес в политическую жизнь США и всего мира нечто новое, намного большее, чем просто бесконечные скандалы или расцвет феномена пост-правды. «Трампизм» можно рассматривать с двух сторон. Во-

⁷¹ Slack K. Thomas Hobbes' Defense of Liberalism, Populism and the Rise of Donald Trump // Trump and Political Philosophy Patriotism, Cosmopolitanism, and Civic Virtue (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-319-74427-8> Library of Congress P. 131.

⁷² Kellner D. Chapter 4 Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis // Critical Theory and Authoritarian Populism 2018 [Электронный ресурс] URL.:https://www.jstor.org/stable/j.ctv9hvtcf.8?searchText=Donald+Trump&searchUri=%2Faction%2FdoBasicSearch%3FQuery%3DDonald%2BTrump%26so%3Drel&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv%2Fcontrol&refreqid=fastlydefault%3Aadda833652aac052108ce5db0af3c5a77&seq=1 (дата обращения 18.04.2022)

первых, как отражение фундаментальных проблем политической репрезентации. Макс Хоркхаймер ещё в прошлом столетии сказал, что демагогия появляется всякий раз, когда демократическое общество находится под угрозой внутреннего разрушения. Ее функция всегда заключалась в том, чтобы вести массы к целям, которые идут вразрез с их основными интересами. В начале, «во время предвыборной кампании и дебатов кандидатов, под этим термином понимались в основном его грубость, вульгарность шуток, «народность» стиля, популизм в противовес людям истеблишмента из «вашингтонского болота», которых он вознамерился разогнать. Постепенно этот образ приобрел более конкретные политические черты, включая плохо скрываемый расизм, женоненавистничество, ксенофобию и национализм, борьбу с иммиграцией, сокращение социальных пособий и налоговые послабления в пользу богатых слоев»⁷³.

С другой стороны, рассматривая президентство Д. Трампа лишь в манипулятивном ключе можно упустить важный момент феномена «трампизма». Победа Дональда Трампа на выборах в США была, в значительной степени, результатом неспособности демократов, средств массовой информации и политических экспертов рассматривать Трампа как нечто иное, кроме иррационального и импульсивного зачинщика беспорядков. Менее истеричная и эмоциональная реакция на кампанию Д. Трампа обеспечила бы более вескую основу для победы над ним. Это потому, что через воинственность Д. Трампа проходила стратегическая нить, которую не смогли увидеть практически все демократы и либералы. Его часто противоречивые заявления по целому ряду вопросов сбивали с толку его оппонентов, отвлекая внимание подальше от хитрых стратегических ходов, которые он делал на протяжении всей кампании. Американские СМИ сыграли важную роль в создании феномена Д. Трампа. Fox News, CNN транслировали речи Д. Трампа полностью в прайм-тайм. Это позволило его посланию дойти

⁷³ Попов Н.П. Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 430.

до миллионов американцев, которые в противном случае не обратили бы особого внимания на выборы. Часть этих черт «трампизма» сработала, приведя Д. Трампа к цели – в Белый дом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во-первых, в социально-философском дискурсе политической репрезентации можно отметить, что репрезентация для одних ученых выступает как семантическая проблема, а лингвистические традиции значения «репрезентации» настолько различаются как в языке, так и от языка к языку, что нормативный подход не справляется с передачей всех смыслов и рискует уничтожить разнообразие. Для других исследователей репрезентация является символической и опирается на эмоциональную составляющую, а не на рациональный критерий и работает, если репрезентирующий верит в «символ». Сегодняшние споры о репрезентации основаны лишь на принятии части понятия «репрезентация», которая обеспечивает необходимую артикуляцию между социальным и политическим, гражданским обществом и государством. Политическая репрезентация является основой парламентской демократии.

Во-вторых, накоплен определенный опыт разработки и использования коммуникативного подхода в исследовании политической репрезентации. В рамках его большинством исследователей власть рассматривается как важное средство коммуникации в обществе. Власть имеет способность принимать множество разных форм, что дает ей возможность циркулировать и преодолевать время. Какое-то конкретное решение, постановление не имеют стабильности, они краткосрочны. Отличие власти как средства коммуникации от других средств в том, что тут важно редуцировать комплексность действиями. Медийный код – коммуникативные формы, которые включают в себя стимулирование мотивов подчинения, также формирование правил подчинения и многие другие формы. Именно эти формы и регулируют статус власти. Политическая репрезентация, точнее, её символические аспекты, в контексте отношений между избирателями и их представителями, сейчас особенно важны и интересны, т.к. для современной политической

коммуникации характерно преобладание медийного фактора над институционально-организационными.

В-третьих, одной из важных особенностей политико-культурной репрезентации является медийные технологии и вытекающие из них феномены, такие как постправда.

Хотя новые медиа-технологии действительно способствуют процессу демократизации в определенных контекстах, они также могут использоваться как средство укрепления власти. В литературе ведутся различные дискуссии о влиянии интернет-технологий и социальных сетей на процессы в демократических и недемократических странах.

В контексте этих дебатов существуют оптимистичные подходы, которые подтверждают роль социальных сетей в демократии, и те, которые придерживаются более скептической точке зрения. Скептики говорят, о структурных изменения, привнесенных новыми медиа-технологиями.

Случаи использования поддельных аккаунтов в социальных сетях разжигание социального хаоса в стране и распространение контента, который манипулирует общественностью в отношении правительств, выборов или других групп, были отмечены на президентских выборах в США в 2016 году, референдуме по Brexit и выборах во Франции, Германии и Турции.

Факт использования государственными и негосударственными субъектами политики пост-правды в качестве символического инструмента для манипулирования социальной и политической жизнью, делает возможным рассмотрение этого феномена в качестве угрозы политической репрезентации как институционального механизма демократии.

Справедливости ради, оптимистичный подход предполагает, что коммуникационные технологии оказывают положительное влияние на демократизацию и культуру участия, в то время как скептические подходы привлекают внимание к использованию этих технологий на службе авторитаризма, радикализации, манипуляций. Отечественный политолог К.Ф. Завершинский отмечает: «пространство «политики постправды» часто

рассматривается как специфический политико-культурный феномен («симуляции» и «зрелищности» политики «эпохи постмодерна»), связанный с символизацией практик принуждения многообразными социальными акторами, эгоистично борющимися за сохранение или приобретение политической власти. Антитезой подобному восприятию является признание неизбежности исторической логики мировой глобализации и модернизации, в ходе которой будут преодолены коммуникативные сбои, порожденные процессом перехода к новому качеству коммуникаций в реалиях «общества обществ»⁷⁴.

Еще одной особенностью политической репрезентации является рост автономии политической культуры и возрастание роли исследования символической активности акторов политической репрезентации. В таком разрезе необходимо уделить внимание политике памяти. «Политика памяти, то есть деятельность государства и других институтов и групп, направленная на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом, естественно, предполагает не только конкуренцию интерпретаций, но и наличие акторов, которые их отстаивают и продвигают. Собственно, взаимодействие мнемонических акторов – «политических сил, заинтересованных в специфической интерпретации прошлого» – и определяет конфигурацию данного поля»⁷⁵.

В-четвертых, рассмотрев различные подходы к определению политических элит, можно прийти к выводу, что так или иначе во всех определениях и социологических измерениях феномена элит присутствует отсылка к роли символических практик их позиционирования, легитимации и самолегитимации. Используя символический капитал и стратегии символической политики, репрезентируя тем самым себя в политическом

⁷⁴ Там же С.7.

⁷⁵ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 104.

пространстве, политические элиты становятся мнемоническими акторами, участниками процесса социального конструирования политической памяти.

В-пятых, отсылки к прошлому чрезвычайно сильны, потому что они способны трансформировать временность в безвременье и потому что они неоднозначны. Как таковые, они становятся важными устройствами, символически выражающими преемственность между прошлым и настоящим и подтверждающими целостность сообщества. Антрополог Д. Фридман отмечает: «Конструирование прошлого... это проект, который избирательно организует события в соответствии с принципом непрерывности с современным сюжетом, создавая тем самым адекватное представление о жизни, ведущей к настоящему, то есть историю жизни, сформированную в акте самоопределения»⁷⁶. Идентичность здесь является решающим вопросом власти. Следовательно, история и память становятся ценными инструментами, поскольку они податливы и открыты для интерпретации.

В-шестых, Дональд Трамп принес в политическую жизнь США и всего мира нечто новое, намного большее, чем просто бесконечные скандалы или расцвет феномена пост-правды. «Трампизм» можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, как отражение фундаментальных проблем политической репрезентации. Макс Хоркхаймер ещё в прошлом столетии сказал, что демагогия появляется всякий раз, когда демократическое общество находится под угрозой внутреннего разрушения. Ее функция всегда заключалась в том, чтобы вести массы к целям, которые идут вразрез с их основными интересами. В начале, «во время предвыборной кампании и дебатов кандидатов, под этим термином понимались в основном его грубость, вульгарность шуток, «народность» стиля, популизм в противовес людям истеблишмента из «вашингтонского болота», которых он вознамерился разогнать. Постепенно этот образ приобрел более конкретные политические черты, включая плохо скрываемый расизм, женоненавистничество, ксенофобию и национализм,

⁷⁶ Friedman J. 1992. The Pest in the Pature: History and the Politics of Identity. *American Anthropologist* 94(4): P. 657.

борьбу с иммиграцией, сокращение социальных пособий и налоговые послабления в пользу богатых слоев»⁷⁷.

С другой стороны, рассматривая президентство Д.Трампа лишь в манипулятивном ключе можно упустить важный момент феномена «трампизма». Победа Дональда Трампа на выборах в США была, в значительной степени, результатом неспособности демократов, средств массовой информации и политических экспертов рассматривать Трампа как нечто иное, кроме иррационального и импульсивного зачинщика беспорядков. Менее истеричная и эмоциональная реакция на кампанию Трампа обеспечила бы более вескую основу для победы над ним. Это потому, что через воинственность Трампа проходила стратегическая нить, которую не смогли увидеть практически все демократы и либералы. Его часто противоречивые заявления по целому ряду вопросов сбивали с толку его оппонентов, отвлекая внимание подальше от хитрых стратегических ходов, которые он делал на протяжении всей кампании. Американские СМИ сыграли важную роль в создании феномена Трампа. Fox News, CNN транслировали речи Трампа полностью в прайм-тайм. Это позволило его посланию дойти до миллионов американцев, которые в противном случае не обратили бы особого внимания на выборы. Часть этих черт «трампизма» сработала, приведя Трампа к цели – в Белый дом.

⁷⁷ Попов Н.П. Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 430.

1. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книги и периодические печатные издания

2. Азми Д.М. Э. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии // Государство и право, 2002, № 5. С. 103–107.
3. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация [Текст] / Пер. с англ. А. Глухова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 217 с.
4. Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. №2 (42). С.15–40.
5. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2014. – 66 с.
6. Барышева Е. В. Презентация власти как форма политического конструирования социальной среды [Текст] / Е. В. Барышева // 2011. С. 123–131.
7. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
8. Бурдьё П. Социология социального пространства [Текст] / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя 2007. – 288 с.
9. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Текст] / Х.Г. Гадамер / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. -М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
10. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 5-21.
11. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Московского университета. Сер. 9 . Филология, 1995. № 5. – 427с.
12. Дука А.В. О подходах к анализу властных элит, Управленческое консультирование, 3(47), 2018. С. 48-55

13. Дулина Н.В. Моисеева, Д.В. Трампизм как новое социальное явление: анализ современного научного дискурса / Социологический альманах. 2019. №10. С. 262-272
14. Завершинский К.Ф. Эпистемологические антиномии в исследовании феномена «постправды» [Текст] / К.Ф. Завершинский / «Политика постправды» и популизм [Текст] // под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 6 – 17.
15. Ицкович Г. С. «Historical representation» in F. Ankersmit's philosophy [Текст] / Г.С. Ицкович / Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2(56). С. 269–278.
16. Крауч К. Постдемократия [Текст] / пер. с англ. Н. В. Эдельмана; Гос. ун-т—Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та—Высшей школы экономики, 2010. —192 с.
17. Кукарцева М. А. Интеллектуалы США и политическая репрезентация Дональда Трампа [Текст] / М.А. Кукарцева / Theories and Problems of Political Studies, 2017. Т. 6. №3А. С. 229-243.
18. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
19. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: Нестор История, 2018. — 224 с.
20. Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) / Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 103–126
21. Маркузе Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе (Пер. с англ. А.А. Юдина). М.: АСТ: ЕРМАК, 2003. – 331 с.
22. Парето В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С.

- Ковалёвой ; науч. консульт. Н. А. Макашёва ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 511 с.
23. Попов Н.П. Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 420—440.
24. Питкин Ханна Фенихель, Концепция репрезентации, Беркли: Калифорнийский университет, 1967. — 323 с.
25. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического [Текст] / В.Н. Топоров // Избранное. М.: Изд. группа “Прогресс”-”Культура”, 1995. — 624 с.
26. Уорнер У. Живые и мертвые. СПб.: Фонд «Университетская книга», 2000. — 666 с.
27. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. Щ. Величко и Е. Петренко. М.: Весь мир, 2008. — 192 с
28. Шмитт К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. — С. 280—408.
29. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. /Пер. с англ. предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. — 540 с.
30. Arendt H, “Understanding and Politics,” *Partisan Review* 20, Vol. 4. 1953. P. 377–392.
31. Bell C. *Ritual: perspective and dimensions*. New-York, Oxford University Press. 1997. — 351 p.
32. Casabó C. Post-truth politics and the fracture of neo-liberalism's "double-truth" doctrine: governmentality and resistance in the US and the UK *St Antony's International Review* 13. no. 2 2018. 48–63.
33. Disch L. The “Constructivist Turn” in Democratic Representation: A Normative Dead-End? // *Constellations*, 2015. Vol.22(4). P. 487–499.
34. Diehl P. Pierre Rosanvallon’s Political Theory through History Pierre Rosanvallon’ s Concepts of Representation and the People and their

- Importance for Understanding Populism: Interdisciplinary Approaches. In book: Pierre Rosanvallon's Political Thought. 2018. P. 39–60.
35. Fischer F. Post-truth, fake news and democracy // *Critical Policy Studies*, Vol.15(3). 2021. P. 124–130.
36. Friedman, J. The Pest in the Pature: History and the Politics of Identity. *American Anthropologist* 94(4): 1992. – 837 p.
37. Freeman M. Telling Stories: Memory and Narrative Memory: Histories, Theories, Debates, 2010. P. 263-278
38. Goktepe K. Cinema Pessimism: A Political Theory of Representation and Reciprocity. By Joshua Foa Dienstag. New York: Oxford University Press, 2019. - Punctuations: How the Arts Think the Political. By Michael J. Shapiro. Durham: Duke University Press, 2019. // *Perspectives on Politics*, 2020. Vol.18(4). P 56–83.
39. Mulieri A. Hasso Hofmann and the Polysemy of Representation // *Redescriptions Political Thought Conceptual History and Feminist Theory* Vol. 19(2). 2016. P. 127–145.
40. Olick, J.K. "Collective Memory: The Two Cultures." *Sociological Theory* 17(3): 1999. P. 333–348.
41. Olson G. Love and Hate Online Affective Politics in the Era of Trump // *Violence and Trolling on Social Media: History, Affect, and Effects of Online Vitriol* // Amsterdam University Press. 2020. P. 153–78.
42. Rothberg, Michael *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. P. 1–29.
43. Sarcinelli U. Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 30. № 2. 1989. P. 297.
44. Saward M. *Political Representation*. Edited by Ian Shapiro, Susan C. Stokes, Elisabeth Jean Wood, and Alexander S. Kirshner. New York: Cambridge

- University Press, 2009. 380p. \$75.00 cloth, \$29.99 paper. // Perspectives on Politics, 2011. Vol.9(3). P. 712 – 720.
45. Spillman, K. R., & Spillmann, K. Some sociobiological and psychological aspects of “Images of the Enemy.” In R. Fiebig-von Has & U. Lehmkuhl (Eds.), *Enemy images in American history* Providence, RI: Berghahn 1997. P. 43–64
46. West, D. and Orman, J. *Celebrity Politics* (New Jersey: Prentice Hall). 2002. – 128 p.
47. Wiley J. Sheldon Wolin on theory and the political // *Polity*, 2006. Vol.38(2). P. 211–234.
48. Pease, Andrew and Paul R. Brewer. “The Oprah Factor: The Effects of a Celebrity Endorsement in a Presidential Primary Campaign.” *International Journal of Press/Politics*. 2008. Vol.13(4). P. 386–400
49. Edelman M. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1988. – 250 p.
50. Edelman M. *Political Language and Political Reality* // *PS: Political Science & Politics / American Political Science Association*. 1985. Vol. 18. P. 10–19.

а. Источники на электронных носителях

51. Александр Д. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 / *Социология* №4, 2008. [Электронный ресурс]. URL.: [ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ: ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ В США 2008 ГОДА \(Продолжение. начало в № 3 2008 г\) \(cyberleninka.ru\)](http://cyberleninka.ru) (дата обращения 01.04.2022)
52. Розанваллон П. *Контрдемократия: политика в эпоху недоверия* // *Неприкосновенный запас*. – М., 2012. – № 4. [Электронный ресурс]. URL.: [Контрдемократия: политика в эпоху недоверия \(emsu.ru\)](http://emsu.ru) (дата обращения 14.04.2022)
53. Чугров С. В. *Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии?* [Электронный ресурс]. URL:

- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28933940> (дата обращения: 08.03.2022).
54. Садуов Р. Т. Стереотип в политическом дискурсе Барака Обамы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-v-politicheskom-diskurse-baraka-obamy/viewer> (дата обращения: 08.03.2022).
55. Шорина И. Н. Политические симулякры глэм-капитализма как средство формирования общественного доверия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16546128> (дата обращения: 08.03.2022).
56. Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №3. С. 44–78. [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18665/view> (дата обращения: 4.03.2022).
57. Frank Luntz, “What the Polls Were Never Going to Reveal,” Time, Nov 11, 2016, [Электронный ресурс] URL.: <http://time.com/4565560/frank-luntz-polls-never-reveal/>. (дата обращения 12.04.2022)
58. Gold. The Media's Trump Reckoning: "Everyone Was Wrong" [Электронный ресурс] URL.: https://www.realclearpolitics.com/2016/03/02/the_media039s_trump_reckoning_quoteeveryone_was_wrongquot_377377.html (дата обращения 18.04.2022)
59. Kellner D. CHAPTER 4 Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis // Critical Theory and Authoritarian Populism 2018 [Электронный ресурс] URL.: https://www.jstor.org/stable/j.ctv9hvtcf.8?searchText=Donald+Trump&searchUri=%2Faction%2FdoBasicSearch%3FQuery%3DDonald%2BTrump%26so%3Drel&b_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&refreqid=fa

- [stlydefault%3Aadda83652aac052108ce5db0af3c5a77&seq=1](https://www.jstor.org/stable/2765989?readnow=1&refreqid=excelsior%3Ae3cccd514b7ce83ffaa7f15d623c9e9d&seq=2) (дата обращения 18.04.2022)
60. Manipulating Public Opinion: The Why and The How Edward L. Bernays [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.jstor.org/stable/2765989?readnow=1&refreqid=excelsior%3Ae3cccd514b7ce83ffaa7f15d623c9e9d&seq=2> (дата обращения 21.04.2022)
61. Panayota Gounari Authoritarianism, Discourse and Social Media: Trump as the ‘American Agitator’ [Электронный ресурс] URL.: https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv9hvtcf.13.pdf?refreqid=fastlydefault%3Aeeb2c63b3648650221266748d109674d&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results (дата обращения 21.04.2022)
62. Schneider A. Ingram H. Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.jstor.org/stable/2939044?readnow=1&refreqid=excelsior%3Af476f76fe995db5a5b923dace8372303&seq=1> (дата обращения 25.04.2022)
63. Slack K. Thomas Hobbes’ Defense of Liberalism, Populism and the Rise of Donald Trump // Trump and Political Philosophy Patriotism, Cosmopolitanism, and Civic Virtue (eBook) [Электронный ресурс] URL.: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-74427-8> Library of Congress. (дата обращения 29.03.2022)